
ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ—44 ГОДА!
В историю человечества коммунисты вошли как самая великая созидательная сила, преобразующая и обновляющая мир.
Н. С. ХРУЩЕВ
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!

Москва, 29 октября 1961 года. Торжественный митинг, посвященный открытию памятника Карлу Марксу. На снимке: руководители Коммунистической партии Советского Союза, главы и члены делегаций братских марксистско-ленинских партий на XXII съезде КПСС у памятника.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 45 (1794)

5 НОЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Нам выпало великое счастье принадлежать к поколению, дела и свершения которого предопределяют будущее человечества на много-много поколений вперед.

Последние две недели мир был свидетелем события, которое окажет могучее воздействие на массы трудящихся, на народы всего земного шара,— XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Отразив волю народа, волю партии, съезд всем своим единым сердцем одобрил политический курс и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС в области внутренней и внешней политики.

Съезд принял Резолюцию по Отчету Центрального Комитета, новую Программу партии, Устав партии, утвердил Отчет Центральной Ревизионной Комиссии, избрал руководящие органы партии.

В центре внимания съезда было обсуждение новой Программы КПСС — программы построения коммунистического общества.

Верная гарантия тому, что третья Программа нашей партии будет выполнена так же успешно, как первая и вторая,— великое единство народа и партии, самоотверженный труд советских людей. Гарантия этому — могущество мировой системы социализма, объединяющей ныне свыше трети человечества, крепнущее день ото дня единство рядов мирового коммунистического движения.

Наша партия, как и братские партии, осуждает попытки подорвать это единство.

Закрытие XXII съезда КПСС. Никита Сергеевич Хрущев провозглашает здравицы в честь великой партии Ленина, в честь единства и братства народов

Вот почему настоящие коммунисты, марксисты-ленинцы осуждают порочную позицию руководства Албанской партии труда.

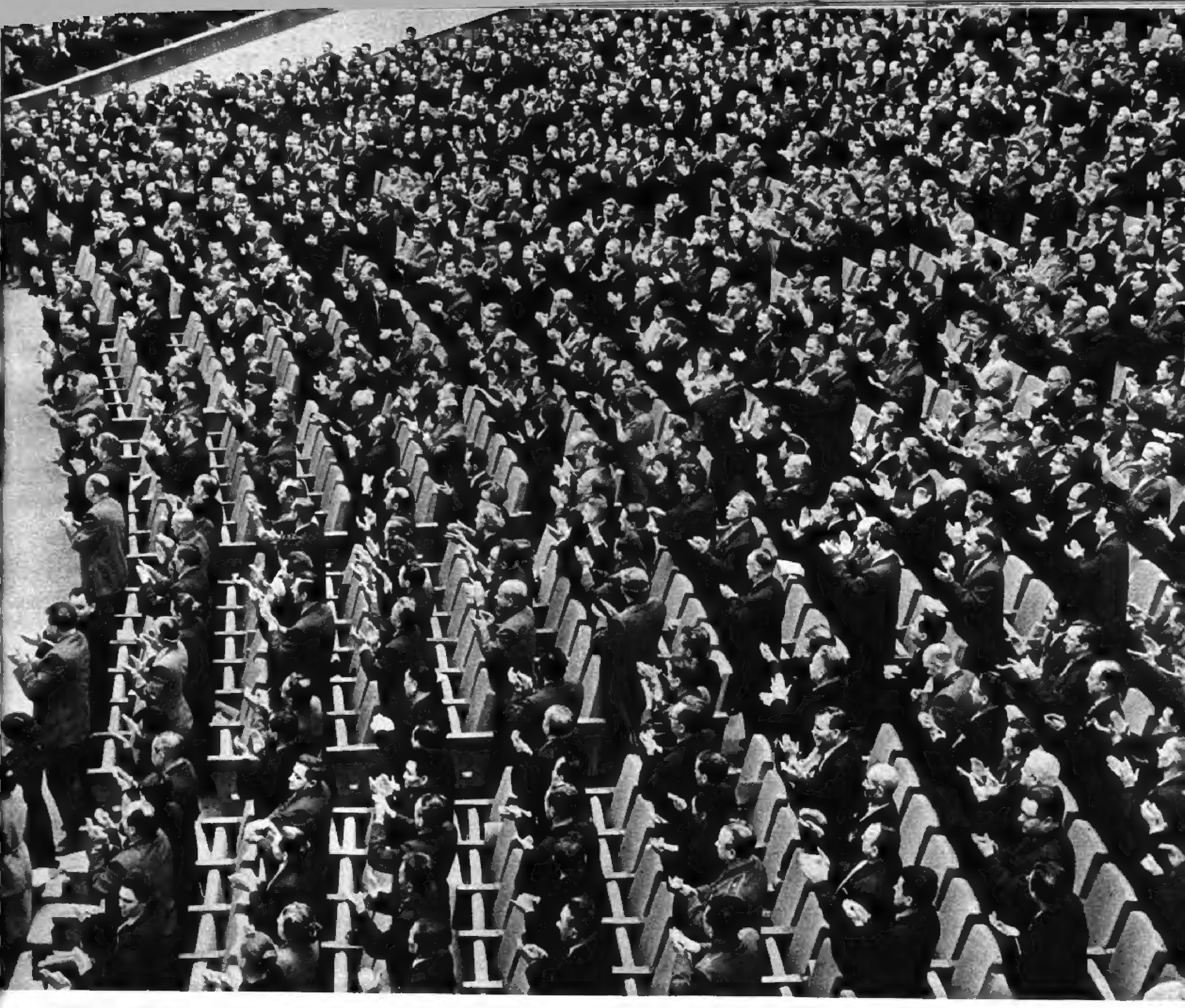
Одно из отличий марксистско-ленинских партий от всех других политических партий состоит в том, что коммунисты без колебаний, смело вскрывают и ликвидируют недостатки и изъяны в своей работе. Это признак силы Коммунистической партии, свидетельство ее несгибаемой веры в свое дело.

Съезд, выражая единую волю партии и народа, гневно осудил антипартийную, подрывную деятельность кучки отщепенцев-фракционеров во главе с Молотовым, Кагановичем и Маленковым.

Запятнав себя во времена культа личности Сталина тяжелыми преступлениями против партии и народа, эти люди сопротивлялись возрождению ленинских норм партийной жизни, злобно выступали против всего нового, передового, врывавшегося в сердца и дела людей, как свежий ветер. Тайно они готовили расправу над теми, кто отстаивал курс, намеченный XX съездом КПСС. И главный огонь эти раскольники сосредоточили против верного ленинца товарища Никиты Сергеевича Хрущева. Но фракционеры жестоко просчитались. Партия разгромила их и идейно и организационно.

Партия навсегда покончила с явлениями культа личности, полностью восстановив ленинские принципы в нашей жизни.

Это сделано благодаря твердой и решительной позиции всей нашей партии и Центрального Комитета во главе с Н. С. Хрущевым. В новой Программе и Уставе партии, единогласно принятых съездом, закреплены положения, которые восстано-

в их борьбе за мир и светлое будущее.

вливают ленинские нормы партийной жизни и исключают возможность рецидивов культа личности.

Съезд принял глубоко правильное постановление, поддержанное всем народом, о перенесении из Мавзолея Владимира Ильича Ленина гроба И. В. Сталина. Нельзя было больше терпеть, чтобы рядом с телом вождя трудящихся всего мира находились останки человека, попиравшего ленинские заветы.

Самые светлые, захватывающие перспективы открыл перед народом и партией XXII съезд. Цели ясны, пути намечены.

Задача теперь в том, чтобы немедленно, не теряя ни одного дня, направить всю нашу энергию, все наши силы на приближение того счастливого дня, когда солнце коммунизма зальет своим светом необъятные просторы нашей прекрасной Родины.

От имени десяти миллионов коммунистов, от имени народа съезд нашей партии заявил:

«Коммунистическая партия Советского Союза и впредь будет высоко нести победоносное знамя марксизма-ленинизма, выполнит свой интернациональный долг перед трудящимися всех стран, посвятит все свои силы борьбе за интересы народа, за достижение великой исторической цели — построение коммунистического общества.

Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

XXII СЪЕЗД КПСС

П Р Е З И Д И У М Ц Е Н Т Р А Л

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Член Президиума ЦК КПСС

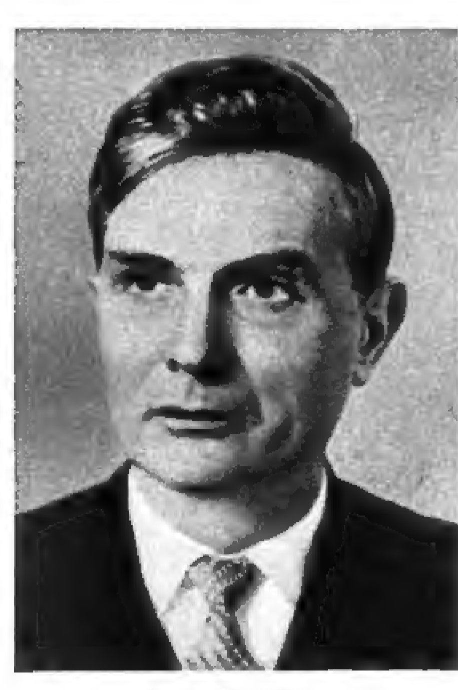
Г. И. ВОРОНОВ.
Член Президиума ЦК КПСС

Ф. Р. КОЗЛОВ.
Член Президиума ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС

А. Н. КОСЫГИН.
Член Президиума ЦК КПСС

М. А. СУСЛОВ.
Член Президиума ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС

Н. С. ХРУЩЕВ.
Член Президиума ЦК КПСС,
Первый секретарь ЦК КПСС

Н. М. ШВЕРНИК.
Член Президиума ЦК КПСС

В. В. ГРИШИН.
Кандидат в члены Президиума
ЦК КПСС

П. Н. ДЕМИЧЕВ.
Секретарь ЦК КПСС

Л. Ф. ИЛЬИЧЕВ.
Секретарь ЦК КПСС

Б. Н. ПОНОМАРЕВ.
Секретарь ЦК КПСС

И. В. СПИРИДОНОВ.
Секретарь ЦК КПСС

ЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

О. В. КУУСИНЕН.
Член Президиума ЦК КПСС,
секретарь ЦК КПСС

А. И. МИКОЯН.
Член Президиума ЦК КПСС

Н. В. ПОДГОРНЫЙ.
Член Президиума ЦК КПСС

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ.
Член Президиума ЦК КПСС

Ш. Р. РАШИДОВ.
Кандидат в члены Президиума
ЦК КПСС

К. Т. МАЗУРОВ.
Кандидат в члены Президиума
ЦК КПСС

В. П. МЖАВАНАДЗЕ.
Кандидат в члены Президиума
ЦК КПСС

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ.
Кандидат в члены Президиума
ЦК КПСС

А. Н. ШЕЛЕПИН.
Секретарь ЦК КПСС

Н. А. МУРАВЬЕВА.
Председатель Центральной
Ревизионной Комиссии КПСС

З. Т. СЕРДЮК.
Первый заместитель Председателя
Комитета Партийного
Контроля при ЦК КПСС

Делегат съезда Юрий Гагарин в перерыве между заседаниями.

Герой Советского Союза маршал авиации С. А. Красовский.

Герой Социалистического Труда знатная свинарка Татьяна Перешивко беседует с делегатами.

Посол Республики Мали в СССР, член Политбюро партии Суданский Союз Фадиала Кейта дает автографы делегатам съезда.

Они из Омска. Директор нефтеперерабатывающего завода А. М. Молунцев и директор детской клинической больницы профессор В. П. Бисярина.

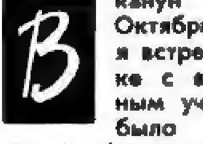

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Туркменской ССР, председатель колхоза «Коммунист» М. Шамулова.

XXII СЪЕЗД КПСС

„ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТ

Борис **ИВАНОВ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

В канун 44-й годовщины Октябрьской революции я встретился в Нью-Йорке с ее непосредственным участником. Это не было неожиданностью. Об Альберте Рисе Вильямсе хорошо знают в нашей стране по его книгам и очеркам. Но это было очень приятно — пожать руку американцу, державшему в 1917 году русскую трехлинейку, посмотреть в глаза человека, видевшего зарю нового мира. Интересно было послушать его рассказ о нашем времени и о себе самом.

Рассказа, однако, не получилось. И не потому, что не было вопросов. Они просто не шли с языка. Взволнованность тому причиной. Теплота, радушность, с которой встретили советских людей Альберт Вильямс, его старый друг Джеймс Мартенс и миссис Фрэнсис Адамс, превзошли все ожидания. А когда ты в чужой стране, за тридевять земель от Родины, вдруг почувствуешь себя как дома, первое желание — осмотреться, увериться: да правда ли все это?

Альберт Рис Вильямс.
Фото П. Чумака.

Да, правда. В доме миссис Адамс рядом с Альбертом Вильямсом нам было хорошо и просто. И началась неторопливая беседа. На низком круглом столике томик в голубом переплете. Это первая в США книга о Ленине, вышедшая в 1919 году. Автор ее — Альберт Вильямс. Вот еще одна. «Советы» — читаем на обложке. Эту книгу тоже написал Альберт Вильямс. Появляются новые томики. И все они посвящены одному: революционной России.

— Главная тема всей моей жизни, — говорит Альберт Вильямс.

А жизнь у него большая. Ему скоро 80 лет, хотя слово «старый» никак не подходит к этому высокому, подтянутому, энергичному человеку. Веселые огоньки в прищуренных глазах выдают его за общительного, любящего острое словцо собеседника. У Альберта Вильямса не только большая жизнь, но и мужественная. Веру в революцию, любовь к советскому народу, родившиеся на восходе века, не могли поколебать ни грозы, ни штормы, ни мертвый штиль, искусственно создаваемые вокруг его имени. А ведь были «борцы», чьи сердца дрогнули и при более умеренной политической погоде.

Как часто бывает, непринужденная беседа открыла нам новые странички из биографии Альберта Вильямса. Отец его начинал простым шахтером, а кончил богатым священником. Вильямс-младший последовал примеру старшего, правда, минуя шахтерское звание. Но молодой служитель церкви в конце писем к своей пастве и к друзьям ставил такие слова: «Проповедник социалистической революции». Вскоре Альберт вообще сбросил сутану. А когда началась первая мировая война, укатил в Европу на фронт. Там он воевал словом — словом за мир. Немцы увидели в нем опасного пацифиста, нарекли шпионом и приговорили к расстрелу. В бельгийских газетах была напечатана фотография казни Альберта Вильямса, который на самом деле в это время находился далеко от рук палачей.

В Россию Альберт Вильямс приехал за шесть месяцев до начала Октябрьской революции. Когда поезд следовал через Финляндию, в вагоне он познакомился с русскими солдатами. Спросил, что они думают о России.

— «Россия,— ответили мне солдаты,— устала,— вспоминает Альберт Вильямс. — Нам мир нужен, воля да землица». А вскоре я прочитал эти слова в известных документах большевиков. «Если большевики умеют так хорошо слушать народ, желания его превращать в действия, они непобедимы», — подумал я тогда. Поверил этому и не ошибся.

Альберт Вильямс видел восход коммунизма. Я попросил его что-либо рассказать о тех днях.

— У меня есть другое предложение. Оно будет для вас интереснее, — сказал Джеймс Мартенс, седовласый друг и биограф Альберта Вильямса, тоже человек с примечательной судьбой. Он хорошо знал Эдуарда Багрицкого, в молодые годы встречался с Михаилом Светловым, Алексеем Сурковым. Предложение его сводилось вот к чему: Джеймс Мартенс дал мне несколько страничек из готовящегося сборника писем, маленьких зарисовок, просто заметок, сделанных Альбертом Вильямсом часто на ходу в ту далекую пору.

— Прочтите их, все это написано сразу по следам живых событий.

Четыре председателя передовых колхозов страны (слева направо): Герой Социалистического Труда А. В. Горшков — колхоз «Большевик», Владимирской области; Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда К. П. Орловский — колхоз «Рассвет» в Белоруссии, дважды Герой Социалистического Труда М. А. Посмитный — колхоз имени XXI съезда КПСС Одесской области и дважды Герой Социалистического Труда П. А. Прозоров — колхоз «Красный Октябрь», Кировской области.

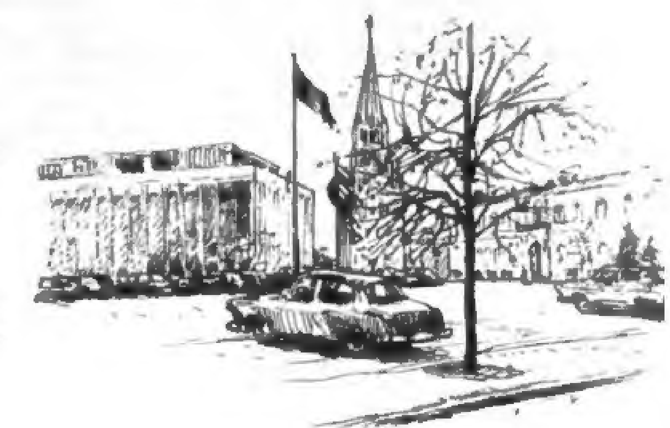

Делегаты съезда дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Москва» в Таджикистане Саидходжа Урунходжаев и летчик-космонавт Герман Титов.

Дважды Герои Советского Союза С. А. Ковпак и А. Ф. Федоров.

Фото Дм. Бальтерманца, Я. Рюмкина и Д. Ухтомского.

Зарисовки заслуженного деятеля искусств Литовской ССР художника А. Яр-Кравченко (АПН).

Ы НАШЕЙ ЮНОСТИ"

Джеймс Мартенс — составитель сборника. Все документы найдены им в огромном, насчитывающем свыше 1 000 печатных листов архиве Альберта Риса Вильямса.

— Короткие записи я обнаружил на картонках от пачек папирос, на обрывках листов бумаги. Альберт с юности ведет дневники. Кое-что утеряно. Особенно жаль четырех тетрадей октябрьского периода.

Вот несколько страничек:

«Жизнь может быть совершенной. И вот по всей России идет великое веселье, головокружительный праздник. Видел солдат, рабочих, крестьян, расхаживающих по запретным дворцам и особнякам, усаживающихся на царский трон, пробующих роскошные диваны, занимающих вагоны первого класса. Давние мечты стали явью, старые тайны раскрылись... Вид этих «товарищей», радостно расхаживающих по Невскому, чрезвычайно раздражает буржуа. Но то, что причиняет боль буржуазии, лишь увеличивает радость рабочего и крестьянина. Они свободны, они больше не пешки в руках рока, но созидатели своей судьбы; они не наблюдатели исторических перемен и не подданные истории, а сознательные творцы этих перемен... Как сказал один из работников Советов, которого я встретил позже — он был ранее рабочим-металлистом: «Самый лучший, самый волнующий момент в моей жизни, славный праздник — осень 1917 года. И почти все это время я ходил голодным».

Большинство людей в Америке склонны судить о революции по материальным выгодам. Но не хлебом единым живет человек. С точки зрения духовной самое большое завоевание революции была сама революция!..

Я вспоминаю заседание Второго съезда Советов седьмого ноября, продолжавшееся весь день и всю ночь. Смольный, шумный, как огромный завод, восклицания ораторов, пулеметы, громыхающие по цементному полу, забрызганные грязью делегаты, доставившие приветствия из окопов, громовые хоры революционных песен, громовые овации в честь Ленина, возникающие откуда-то снизу, настойчивые выстрелы орудий «Авроры» — похоронный набат по старому порядку, салют в честь нового. И в то время, когда на востоке забрезжил красный рассвет, было принято воззвание о том, что Временного правительства больше не существует, что Советы берут власть, обещая безвозмездно передать землю крестьянам и т. д. и т. д. Незабываемая ночь!..

Драматический момент, когда Крыленко кончил свою страстную речь перед батальоном броневиков в Михайловском дворце возгласом: «За Керенского — направо! За Советы — налево!» Серая масса солдат двинулась налево. Громкие радостные крики. Шоферы залезают в броневики, выхлопы моторов, и вот уже огромные стальные дьяволы тяжело движутся по улицам, и синие стволы пулеметов готовы поливать пулями контрреволюцию...

Ночью десятого ноября, в то время как полки Красной гвардии находились на фронте, юнкера, подняв восстание в тылу, захватили телефонную станцию — этот жизненно важный центр, откуда, подобно миллионам нервов, бегут миллионы проводов, связывающих город в одно целое. Таким путем юнкера хотели парализовать Советскую власть. Моментально по всему городу, по рабочим кварталам пронесся клич: «Революция в опасности! Телефон в руках белых!»

На фабриках и заводах рабочие отложили в сторону инструмент, взяли винтовки и поспешили на помощь революции. И вот сейчас пули красных, просвистывая в воздухе, летят в цитадель белых, отбивая куски камня от стен. Все плотнее свинцовый дождь, все чаще выстрелы, потому что подходят новые красногвардейцы. Вокруг телефонной станции — красный кордон. Все уже и уже сжимается кольцо, в центре которого заперты контрреволюционеры.

Их цитадель окружена полностью. Остается захватить ее. Это подвиг, который требует не только храбрости, но и искусства и стратегии. Ползя по крышам, прячась за колоннами и парапетами, красногвардейцы обрушивают свинцовый шквал на врага. Борьба упорная, продолжающаяся весь день и всю ночь. И вот офицеры в отчаянии срывают с себя погоны, золотые шнуры и пуговицы, ползут в темные норы, забиваются в чуланы или прыгают, охваченные паникой, с крыши. Прорвавшись сквозь баррикаду, победоносные красногвардейцы заполняют двор; в свете горящих факелов, которые они держат над головами, блестят штыки и стволы винтовок. Громкими криками они приветствовали своего командира Антонова. Грозя офицерам факелами, они разоружают их и передают в руки конвойных, которые уводят офицеров по двое. До наступления полуночи последний офицер извлечен из его убежища и отведен в крепость-тюрьму за Невой. Восстание подавлено. Чумное место контрреволюции уничтожено. Революция спасена».

— От некоторых слов время оставило лишь намек, — говорит, улыбаясь, Альберт Вильямс, — нам пришлось с Джеймсом здорово повозиться. Провели целую исследовательскую работу. Но все, что там написано, — это прошлое. Правда, без него не было бы настоящего. Первой ступенью ракеты коммунизма была Октябрьская революция в России.

— А что вы скажете о третьей ступени, о новой Программе КПСС? — спросил я.

— Что я скажу? Программа КПСС — это воплощение мечты нашей юности. Мне опять вспоминается разговор в вагоне с русскими солдатами. Коммунисты слышат желания народа, значит, они свою программу выполнят.

Альберт Вильямс кивнул головой в сторону окна, где на низком шкафчике стоял начищенный до блеска медный самовар.

— Это мой сувенир из России 20-х годов, — вступилась хозяйка дома миссис Адамс за самовар. — Конечно, теперь у России символ другой — корабль «Восток». Но его даже не вместишь в комнату.

Джеймс Мартенс шепнул мне, что врачи не разрешают его другу много работать. Альберт Вильямс по-прежнему был оживлен, словно годы не слишком тяжелым грузом легли на его плечи. Но пришло время расставаться. Мы пожелали большому другу Советской страны здоровья и счастья.

1 ноября — Национальный день борьбы за независимость Алжира.

АЛЖИР ВЕРИТ В ПОБЕДУ

Ларби БУХАЛИ,
первый секретарь ЦК Алжирской коммунистической партии,
заявил нашему корреспонденту:

Делегация Алжирской коммунистической партии с огромным интересом следила за работой XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, который войдет в историю как съезд строителей коммунистического общества.

Вместе с трудящимися нашей страны, со всем нашим народом нас бесконечно радуют ваши грандиозные успехи, итоги которых были подведены на XXII съезде, и блестящие перспективы, открываемые новой Программой КПСС не только для советских людей, но и для всего человечества.

Алжирский народ, как и все народы, которые сбросили колониальное иго или еще борются за свое освобождение, знает, что каждое достижение Советского Союза или других стран социалистического лагеря в экономике, науке или технике является новым ударом по империализму и новой победой всего национально-освободительного движения. Вот почему алжирский народ выражает чувство восхищения и признательности Советскому Союзу, который с первых дней своего существования был и остается несокрушимым бастионом мира и свободы.

Во время нашего пребывания в Москве мы с огромным волнением ощутили, с какой радостью и трудовым энтузиазмом миролюбивые советские люди, испытывающие законную гордость своими завоеваниями, готовятся праздновать 44-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы уверены, что трудящиеся Алжира в день 7 ноября будут всем сердцем вместе с советскими братьями и отпразднуют эту славную годовщину, усилив борьбу против своих угнетателей, против империалистических поджигателей войны.

Война в Алжире идет уже восьмой год, и французские колонизаторы, несмотря на крупное политическое поражение, все еще не намереваются вступить в искренние переговоры с Временным правительством Алжирской Республики на основе признания национальной независимости, единства и территориальной целостности нашей страны, включая Сахару.

Французское правительство, сорвав переговоры в Эвиане и Люгрене, создает политическую обстановку, неблагоприятную для переговоров. Усугубляются дискриминационные и расистские меры по отношению к алжирцам.

В огне национально-освободительной борьбы нашего народа выковались такие герои-патриоты, как Анри Аллег, член Центрального Комитета нашей партии, автор книг «Допрос под пыткой» и «Бойцы в плену». А. Аллег недавно бежал из французской тюрьмы, куда он был заключен. Наш народ приветствовал этот побег как победу, одержанную над колонизаторами. Мы рады, что журнал «Огонек» начинает в этом номере печатать отрывки из книги Анри Аллега «Бойцы в плену».

Сегодняшнюю обстановку в Алжире характеризует воля нашего народа к борьбе, усиление массового политического движения наряду с вооруженной борьбой, которая остается главной. Национальный совет алжирской революции в августе этого года указал, что необходимо еще выше поднять уровень борьбы алжирского народа в военном и в политическом отношениях. Конечно, как недавно напомнил президент Бен Хедда, Временное правительство Алжирской Республики всегда готово к тому, чтобы немедленно начать переговоры с французским правительством на основе признания им независимости нашей страны и ее территориальной целостности. В этом смысле Алжирская коммунистическая партия всегда поддерживала и продолжает решительно поддерживать всякую инициативу Временного правительства Алжирской Республики и Фронта национального освобождения.

С начала национального вооруженного восстания Алжирская коммунистическая партия сконцентрировала свои усилия на двух главных задачах: расширении борьбы и укреплении единства нашего народа. Она систематически разоблачала маневры французских колонизаторов, так же как и выдающих себя за «антиколонизаторов» американских империалистов. Она постоянно точно указывала политическое, экономическое и социальное содержание алжирской революции, которая является национальной и демократической, антиимпериалистической и антифеодальной. Алжирская коммунистическая партия полна решимости твердо идти по пути освобождения родины и создания алжирской социальной и демократической республики.

Что гудишь ты, бор, сурово...

Николай БУКИН

Что гудишь ты, бор, сурово
За моим селом Дуброво,

Кудри взвив под облаками,
Бьешь челом подруге Каме

И грустишь, обеспокоен,
Как перед разлукой воин?!

Неужель беда, что вскоре
Ты отступишь перед морем,

Морем Воткинским на Каме,
Что построили мы сами?

Но нельзя дремать извечно
Над поскотиной заречной!

Есть еще дела другие —
Флаги нам нести морские.

НОВЫЙ ШТУРМ КАМЫ

«Кто не видел тамошних лесов, не любовался Камой... не дышал тем воздухом, каким летом пьянят тамошние озера, тот не знает красот природы», — так писал о Прикамье Мамин-Сибиряк.

А что сказал бы об этих глухих прежде местах певец Урала в наши дни? На гордой Каме идет огромное гидротехническое строительство. Широкие камские плесы разлились настоящими морями, на берегах которых рождаются новые красавцы города.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как около Перми вступил в строй первенец четырехступенчатого энергетического каскада — Камская ГЭС, а уже близко к завершению строительство еще более мощной второй его ступени — Воткинской гидроэлектростанции.

Выбор места для новой плотины пал на небольшую речную пристань Сайгатку. Воткинск находится отсюда в 45 километрах. Час езды по живописной, петляющей в лесу дороге, и машина выбегает к речному простору. Сразу же глазам открывается величественная панорама стройки. Ее ритмичный гул слышен уже с переправы. Снуют мощные самосвалы, перекликаются гудками портальные краны, грохочут, вгрызаясь в перемычку, экскаваторы, звенит металл...

Фронт строительных работ протянулся на несколько километров. Он начинается на правом берегу Камы, проходит по пойменной дамбе, спускается в котлован, где возводятся здания ГЭС и водосливной плотины, и, захватывая участки сооружения судоходного шлюза и канала, упирается в сосновый бор левобережья.

В дождливые и ветреные дни сентября началась подготовка к решающему штурму Камы. На всех участках стройки развернулось настоящее сражение за кубометры. До перекрытия русла реки надо было уложить 150 000 кубометров бетона, перевезти 450 000 кубометров грунта и камня. В бой были брошены ударные силы бетонщиков, шоферов, монтажников, экскаваторщиков. Здесь, в котловане ГЭС и водосливной плотины, решалась судьба досрочного пуска двух первых гидроагрегатов.

Строители решили перекрыть русло Камы к открытию XXII съезда КПСС и ввести гидроузел в строй действующих к концу 1962 года, на три года ранее срока, намеченного семилетним планом. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. В первых рядах многотысячной армии строителей, развернувшей наступление на Каму, шли ветераны, «коренные» гидростроители, сооружавшие Куйбышевскую, Цимлянскую, Каховскую ГЭС.

Основная тяжесть в эти дни легла на плечи водителей. На трудных дорогах, проложенных бульдозерами по дну будущего моря, проверялись их мастерство, воля и выдержка. Лучшие шоферы — победители коммунистического соревнования — получали право участвовать в перекрытии Камы. Первыми это почетное право завоевали бригады Е. Сугонякина, В. Шалавина и В. Баланина.

...Наконец в плотину уложены последние кубометры бетона, с участков эвакуировано оборудование, разобраны перемычки, дно котлована подготовлено к затоплению.

«До перекрытия Камы осталось... 10... 8... 6... дней!» Совсем недавно такой транспарант можно было увидеть у въезда на участки строительства основных сооружений ГЭС. По реке прошел последний караван судов, и началось наведение наплавного моста, по которому сильные минские грузовики пошли на решающий штурм Камы. 20 000 кубометров бутового камня легло на дно реки. Недовольная и гордая Кама закипела волной, побесновалась сутки, смывая песок и камни, и, смирившись, разлилась у стальных ворот плотины новым Воткинским морем. Первая часть программы досрочного пуска Воткинской ГЭС выполнена! А не пройдет и года — заработают все 10 агрегатов, и новая электростанция вольет в Уральское энергетическое кольцо еще один миллион киловатт-часов.

Скоро железобетонные вехи линии электропередач зашагают отсюда, с берегов Камы, на восток через Урал, неся на своих «плечах» свет, тепло, движение, жизнь.

Г. ЗИНГЕР

На строительстве Воткинской ГЭС. Шеф монтажа коммунист Николай Обозный и секретарь комсомольской организации участка Николай Фролов на монтаже 350-тонного крана. Фото А. Горячева.

КОЛХОЗ
ИМЕНИ ЛЕНИНА,
МОЛДАВСКАЯ ССР.

Школа-десятилетка

Веселый хоровод
у детского сада

Вечером в семье
бригадира-механика
Бузука

Фото Д. Ухтомского

КОРОЛЕВСКИЕ САДЫ

Ион ДРУЦЭ

Лет двадцать пять назад на землях маленькой бессарабской деревушки Копанка начали закладывать сад. И дали ему очень громкое и пышное название: «Сад молодого короля Михая». Весь ход работ широко освещался в румынской буржуазной прессе. Посадка каждого саженца превращалась в широкую демонстрацию верноподданнических чувств бессарабцев к своему королю.

Правда, короля мало трогало это лирическое отношение молдаван к его особе. Молодой Михай упражнялся в вождении автомобилей разных фирм, и его натура представляла собой вопиющее несоответствие формы и содержания. При всей своей классической стройности и красивой внешности он был на редкость тупым и беззаботным.

А тем временем Копанка пошла вверх. В Кишиневе вышел огромный том социальных исследований, посвященных Копанке. Беспросветная нужда крестьян возмещалась тем, что ученые называли долину, в которой расположена деревня, Калифорнией. В этом томе все, кроме выводов, заслуживает доверия, и недаром сегодня единственный уцелевший экземпляр хранится в железном сейфе председателя копанского колхоза. Хранят его в железном сейфе потому, что этот том — предмет вожделений кишиневской Академии наук, а колхоз расставаться с ним [illegible]

Копанка... Почти все рассказы о трудовых подвигах наших советских людей начинаются с очень эффектной ситуации: пришли люди, засучили рукава и вбили первый колышек. О копанцах нельзя этого сказать. Хотя бы потому, что теперь уже никто не помнит, когда пришли они сюда.

Огромна долина, чуть выгнутая, в форме подковы. Километров тридцать из конца в конец, а может быть, и больше, потому что и концов нет. Края этой долины тают в дрожащей серой дымке. Посредине долины вьется широкий рукав Днестра, отрезанный от русла реки и названный Старым Днестром.

Чуть-чуть белеют на солнце шиферные крыши деревень, рассыпанных в этом зеленом море. Изредка выглядывают из зелени белые фаянсовые чашки телеграфных линий и кажутся диковинными, откуда-то издали завезенными фруктами. А по вечерам весь левый угол этой огромной чаши вспыхивает морем огней — там Тирасполь, сердце пищевой промышленности республики.

Копанка... Эта молдавская деревушка заключила в своем славянском названии почти все то, что она умеет, все, с чего она начала. Здесь по преимуществу садоводы, а садоводы начинают с лопаты. Здесь вскопано и перекопано огромное количество земли. Эта молдавская Калифорния нисколько не похожа на даровое богатство — хватай себе и тащи домой. Нет, здесь все несет следы человеческих рук, все дышит замыслами, во всем виден союз природы и человека.

Нельзя обижать природу и ее щедрость, ее нужно любить так же, как ее любят виноградари и садоводы этой долины. Они грустят вместе с ней в засушливые месяцы. Они помнят все ранние и поздние заморозки за последние двадцать лет.

Копанка... Здесь круглый год пахнет яблоками. До нового года пахнет уже убранными яблоками, после нового года пахнет яблоками новых урожаев. Здесь круглый год можно встретить тот крепкий загар, которым никто не гордится и который так идет человеческой природе. В тихой осенней прохладе ловко складываются самые фантастические замыслы и все кажется таким доступным — вот воткни прутик в землю, и, пока ты покуришь, глядишь, уже яблоки налились, нарумянились...

Народ здесь необыкновенно энергичный. Только опыт нескольких лет журналистской работы и две-три удачи помогли найти председателя копанского колхоза. Но это еще ничего не значило, потому что в ту секунду, когда он стал перед нами, он вспомнил о каком-

В этом домике была единственная в Копанке начальная четырехлетняя школа.

Так жили до 1940 года копанские крестьяне.

Строим дальше!

Фото Д. Ухтомского.

План реконструкции села Копанка. Толстыми линиями выделены уже построенные колхозом капитальные здания в центре села.

то очень срочном деле и снова заторопился!

А вообще, кто не знаком с Болфой, тот никогда не поймет, сколько неожиданного вмещает в себе выражение «хитрый молдаванин». Болфа, не теряя ни минуты, с ходу понял, прочувствовал всю серьезность наших намерений. Тут же нашел провожатого, дал ему обширную инструкцию, с какого уголка показывать нам свое хозяйство, и тут же, отстав с нашим провожатым, шепнул ему:

— Сходи, накорми их виноградом...

По правде сказать, это показалось несколько обидным. Неужели нужно было ехать из Кишинева сто с лишним километров только для того, чтобы съесть две-три грозди винограда в этом колхозе?

Но выражение «хитрый молдаванин» вмещает в себе больше, чем мы думаем. Все распоряжения мыслились председателем и воспринимались нашим провожатым гораздо шире и глубже, чем мы ожидали. Если проехать по виноградникам, надышаться осенней прохладой, послушать шутки и песни девушек, убирающих виноград, вам захочется только одного в жизни — винограда. Мы стали уже беспокоиться: не забыл ли наш провожатый последнее указание Болфы?

Нет, не забыл. Виноград, крупный, копанский, висит на кустах с достоинством, каждая веточка со своим стилем. Прозрачные ягоды светятся, внутри две-три темные крапинки зернышек, и кажется, что до них далеко-далеко, столько же, сколько из Копанки до Млечного Пути. И в одно мгновение сама эта Калифорния, и местный колхоз, и теплая осень, и хитрый Болфа — все неожиданно раскрылось в сладком, пахучем виноградном соке.

Рядом, под простым навесом, прикрытым толем, копанские девушки упаковывают виноград в стандартные ящики. Разговор идет о модах. Спорят, галдят, и вдруг какая-нибудь из них, прихватив липкими пальцами краешек своей ситцевой юбочки, демонстрирует портновские замыслы. Спор накаляется, к демонстрациям прибегают все чаще и чаще. Это смутило нашего провожатого, человека в летах, и он, повернувшись спиной к навесу, сказал, глубоко вздохнув:

— Тяжелое наследство пола.

И, подумав, добавил:

— Зря им Болфа сказал...

А дело было в том, что виноград уже отправляли на аэродром и грузили в самолеты. Еще несколько часов — и этот виноград, собранный руками девушек, поднимется в небо, возьмет курс на север, в Ленинград. Болфа рассказал об этом девушкам. И им, ясно, захотелось слетать в Ленинград вместе с виноградом, они уже видели себя на Невском проспекте. Но они были копанскими девушками, и им ужас как хотелось получше принарядиться.

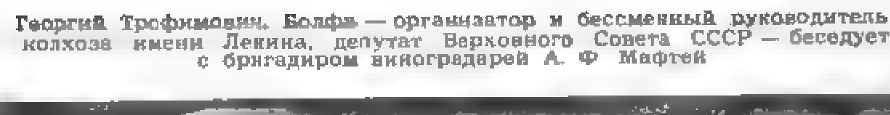
Виноградники, сады, еще виноградники, еще сады...

Нет, не прижился здесь сад молодого короля Михая. Его не приняла земля, он стал сохнуть почти сразу. Затем старый Днестр как-то разлился, и этот садик разделил участь самой румынской королевской семьи. Говорят, теперь Михай пробует свои силы в кинематографе. Независимо от его удач или неудач на этом поприще ему, верно, снятся по ночам и Копанка и молодой сад, который закладывали для него. Он, верно, скорбит по своему погибшему садику, но пусть он не убивается, здесь-таки выросли настоящие королевские сады и виноградники.

Что до королей, то их тут полно. Стоит только увидеть властную раздумчивую походку копанских бригадиров, посмотреть осанку девушек, поговорить с этим молдаванином, депутатом Болфой. И если и есть какая разница, то разве лишь в том, что на этот раз форма и содержание этих королей достигли высшей гармонии.

В домах колхозников появились телевизоры, газовые плиты, стиральные машины

Георгий Трофимович Болфа — организатор и бессменный руководитель колхоза имени Ленина, депутат Верховного Совета СССР — беседует с бригадиром виноградарей А. Ф. Мафтей

Секрет души человеческой

С. П. ТИТОВ

— Знаете, это слишком неожиданно — высказать свои мысли об эстетическом воспитании, об искусстве. Я же садовод. Вот если бы вы спросили меня о свойствах новых сортов смородины или усовершенствовании распылителя удобрений...

Степан Павлович Титов, отец Космонавта-2, улыбается.

Но разве это не его неоконченный натюрморт висит на стене, не его песни недавно передавали по радио? Ведь так и было сказано: автор музыки — отец Космонавта-2 Степан Павлович Титов. А кому принадлежит идея организации при сельском клубе университета культуры и искусства, а музыкальный кружок в школе?

— Да, да, да, все это так, люблю искусство. В свое время и трактористом был и учителем математики, астрономией вот собираюсь заняться, телескоп построить. Представляете, как это для ребятишек будет занятно: Луну увидеть не такую вот крошечную, а громадную... Но искусство... От него никуда не уйдешь, — всегда оно со мной. А о том, каким должно быть эстетическое воспитание, какой духовный облик будет у тех, кто войдет в коммунизм, что ж, об этом можно подумать. Это интересно!..

Не так давно читал я об опыте двух индийских ученых. Они испытывали воздействие музыки на рост растений. Оказывается, под влиянием музыки усиливается подвижность протоплазмы. Мимоза, около которой исполнялось музыкальное произведение, достигла высоты в полтора раза большей, чем другая, которая росла сама по себе, слушая только шум ветра и звуки падающих капель дождя. Интересный опыт, не правда ли?

Может быть, мы доживем до того времени, когда музыка будет влиять на урожай. Это хорошо. Но хотелось бы одним глазком заглянуть и в тот фантастический век, когда музыка, искусство с научной точностью станут воздействовать на человеческую душу, выпрямлять исковерканную, поднимать согнувшуюся. Найти бы такой секрет! Нужен он нам, ох, как нужен! Ведь перед нами стоят грандиозные задачи: гармонически развитый человек должен стать нормой уже в наши дни и в городе и в деревне. Чтобы этого добиться, сколько трудностей еще предстоит преодолеть, сколько пота пролить!

Но иногда мне кажется, что в тот будущий век я уже заглядывал и, как надо растить человеческую душу, немного знаю.

Это бывает, когда я вспоминаю своего учителя Адриана Митрофановича Топорова, романтическую историю коммуны «Майское утро». В суровые годы, когда не отгремели еще залпы гражданской войны, в одной маленькой деревушке на Алтае собирались вечерком у коптилки крестьяне, чтобы потолковать о Гейне и Толстом, Шекспире и Горьком. В голодные годы продали несколько мешков ржи, чтобы купить краски, холсты, грим — все нужное для своего театра. Даже коров в этой деревушке звали необыкновенно: Афродита, Лира, Гармония... Это и была — одна из первых на Алтае — коммуна «Майское утро».

Адриана Митрофановича Топорова я увидел впервые в тесно набитом здании школы. Только что кончился спектакль. Еще стояли неубранные декорации, изображавшие внутренность крестьянской избы. Но уже вышел на сцену плотный черноволосый человек в очках, в руках у него была никогда мною дотоле не виданная скрипка, коснулся струн смычком... В глаза, в грудь мне ударили какие-то светлые волны...

В сумерки выводил он нас за околицу и распределял обязанности: одному велит забраться на стог сена, другого отведет поближе к лесу, посадит на пенек, с третьим взберется на холм. И вот в течение часа мы наблюдаем, как уходит день, как изменяются краски, как по-новому начинают пахнуть травы, как готовятся к ночи галки, воробьи, полевые мы[illegible]

Потом мы пишем рассказы, и лучшие аккуратно переписываются в толстую тетрадь. Когда дело доходит до изучения поэзии, мы не заучиваем размеры и виды рифм, а начинаем сочинять по заданному размеру. Строки складываются сами собой, и постепенно это становится настолько привычным, что сочиняешь везде: выгоняя коров, работая в поле,— дома после уже перепишешь все это...

Однажды привезли в школу целую бочку глины. Одна из комнат превратилась в мастерскую скульпторов. Задания были самые разнообразные, но чаще всего лепили по собственному выбору. У Адриана Митрофановича тут же был свой столик; как сейчас, помню великолепно вылепленную им голову смеющегося старика в шапке.

Топоров считал, что научиться чему-либо, постигнуть что-либо можно только в творчестве. Причем в совместном творчестве учителя и ученика. Никогда мы не видели Топорова праздным; мысль и фантазия его вечно были в напряжении, в поисках. Это невольно подтягивало остальных. Вот и теперь я не могу писать письма Адриану Митрофановичу просто так (он живет в городе Николаеве); хочется писать ему о каких-то мыслью рожденных свершениях, открытиях...

Александр Фомич Кулик, преподаватель русского языка и литературы, с которым я работал вместе в здешней школе, загорелся идеей создания литературного кружка по типу топоровского. Помню, как взволновался этим известием мой сын Герман, который учился тогда у него в 5-м классе. Ребята сочиняли рассказы о войне, о подвигах своих отцов и братьев. И стихами начали мучиться, как мы когда-то. Между прочим, журнал кружковцев вел Герман. Он сам предложил создать такой журнал и своей рукой переписывал туда все сочинения. Тогда я даже подумал: ну, если не музыкантом (чистоты в игре на скрипке я так и не сумел от Германа добиться), то хотя бы писателем мой сын станет? Но он решил по-своему — стал космонавтом. Что ж, сетовать мне не приходится!

Из опыта работы Адриана Митрофановича можно черпать и черпать. Методика Топорова, его страстное желание приобщить учеников ко всему прекрасному, что есть на земле, — как нам подчас этого не хватает!

Когда я преподавал в школе, для меня самым тягостным было составление планов: поурочные, четвертные, годовые, планы классного руководства, планы внеклассных мероприятий и т. д. и т. д. Потом их утверждает начальство. Знаниям учителя, его умению вести учебный процесс как будто не доверяют. Но ведь это не создает условий для твор[illegible]а.

А методические разработки? В них зачастую даются готовые схемы уроков, даже вопросы, которые могут задать учащиеся, там предопределены, и тут же приводятся готовые ответы учителя. Но разве нужно, чтобы ребятишки наши, смышленые, увлекающиеся, такие непохожие друг на друга, писали казенные сочинения совершенно одинаковыми, стереотипными, штампованными фразами? А многие из них, окончив школу, не подозревают, что Пушкин, Толстой, Горький, Блок — это целые миры чувств, мыслей, взлетов, откровений, а не ряд сухих, логически обоснованных суждений, идей, выводов, тем...

Речь идет не просто о каком-то рядовом недостатке в воспитании, речь идет об обеднении нравственной природы, ослаблении эмоционального восприятия мира, о нравственном облике того поколения, которому жить при коммунизме.

Тут о многом надо подумать. Вот у нас, в нашей сибирской деревне Полковникове, в каждом доме есть радио. Два или три раза в неделю мы смотрим новые кинокартины, раньше кинопередвижка приезжала, теперь есть своя стационарная киноустановка. А скоро в Сибири можно будет смотреть московские передачи. Думаю, телевизоров тогда в деревне появится гораздо больше.

Помню, утром после того концерта, на котором я впервые увидел Адриана Митрофановича Топорова, я старательно, вкладывая всего себя в эту работу, выстрогал кусок дерева, потом прикрепил к нему проволочки, из прутиков сделал подобие смычка и... заиграл. Проволочки тоненько пищали, но я слышал настоящую музыку, те прекрасные мелодии, которые звучали у меня в ушах еще со вчерашнего вечера...

А пока в нашей школе, в Полковникове, нет учителя пения, нет баяниста даже при клубе... Молодые педагоги, воспитанники столичных вузов, вспоминают, что рисунком занимались разве что в детстве, нотная грамота для них — тайна за семью печатями, поставить с ребятами пьесу — мучение, и вообще все, что касается искусства,—то они его «не проходили».

Не все, конечно, в эстетическом воспитании зависит от учителя. Много значит семья, интересы и склонности родителей. Верно говорят, что в доме, где знают и любят музыку, равнодушный человек вырасти не может.

В наши дни придумана хорошая форма работы с родителями — университеты культуры и искусства. Думаем и мы в своем селе организовать такой университет. Чтобы пришел после занятий крестьянин домой и задумался: «А стоит ли покупать телушку? Может, лучше сыну скрипку купить?»

Конечно, бессмысленна культурная работа на селе, которая делается «ради галочки».

В Барнауле, в краевом управлении культуры, висит доска почета лучших киномехаников края. Все как следует: бархат, аккуратные фотографии, но вот подписи под ними я не сразу даже понял. Киномеханик такой-то выполнил план на 110 процентов. Пусть не обижаются на меня в управлении культуры, но ведь удивительно, что никому из работников этого учреждения не режут глаза подобные подписи! Кинокартина — плановое финансовое мероприятие, зритель — процентная единица. Да ведь это—равнодушие, самое настоящее! А сейчас, когда партия ставит перед нами грандиозные планы культурных преобразований, равнодушие преступно.

Мертвой схемой нельзя помочь росту души человеческой. Творчество должно одухотворять нашу работу. Творчество! Может быть, это и есть секрет роста души человеческой?!

Село Полковниково.

СЛОВА ВАШИ

В. ВЛАДИМИРОВ

Толковый словарь русского языка определяет слово «пророк» следующим образом «Предсказатель будущего» Такие «предсказатели» особенно славились в древние и средние века.

Но, оказывается, «пророки» были не только в прошлом, они существуют и в наше время. Нынешние «пророки» по звездам не гадают. Они уже свыше сорока лет каркают о будущем нашей страны.

Многие из них давно уже переночевали, как говорится, в мир иной. Но охотников каркать, предвещая вожделенный «провал» Советского Союза, всегда было хоть отбавляй. Правда, в последние годы успехи СССР не могут отрицать даже самые отъявленные антисоветские шаманы

Принятые XXII съездом партии Программа и Устав КПСС наносят могучий удар по клеветникам всех мастей. Оглядываясь сегодня [redacted] мы словно с высокой горы смотрим на пройденный путь.

Перед нами серия плакатов - от первых дней Октября до нашего времени. Смотришь на них, вспоминаешь пророчества наших недругов, и видишь, как год от года вынуждены они были менять тон, как менялись их оценки достижений Советской страны.

ГРУДЬЮ НА ЗАЩИТУ ПЕТРОГРАДА!

1919

1918

Английский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен 7 декабря 1917 года записал в дневнике: «Уверяют, что царствование боль- [redacted] концу».

В 1919 году сенатор Нельсон на заседании сенатской комиссии США по изучению русской революции заявил: «Крестьяне, церковь, казаки и все консервативные элементы сплотятся и в течение 6 месяцев прогонят эту большевистскую шайку».

Министр торговли, впоследствии президент США Герберт Гувер, заявил в 1921 году: «Россия не будет иметь достаточного количества товаров для экспорта и особенно никаких возможностей для поддержания импорта. Это требует отказа от их существующей экономической системы».

1921

ОРКЕСТР СТА ГИМНОВ

А. ЛАЗЕБНИКОВ

Идет репетиция. Дирижирует Георгий Петрович Николаев.
Фото В. Мусинова.

Безупречно четким шагом прошел он расстояние, отделявшее его от Освальдо Дортикоса Торрадо, остановился у невидимой черты, столько раз безошибочно им угадываемой, и отдал рапорт:

— Ваше Превосходительство, президент Республики Куба, почетный караул от войск Московского гарнизона в честь вашего приезда в столицу Союза Советских Социалистических Республик город Москву построен. Начальник почетного караула майор Хохлов.

Оркестр замер. Едва прозвучали последние слова рапорта, как дирижерская палочка полковника Николаева позвала за собой барабаны и фаготы, всю торжественную медь семидесяти труб, кларнетов, валторн, тромбонов.

В тот день майор Хохлов отмечал своеобразный юбилей — в сотый раз выводил он роту на встречу и проводы почетных гостей нашей страны. Но, как и в первый раз, этот внешне спокойный человек очень волновался. А вместе с ним и оркестранты: как оценит их труд высокий гость? Смогут ли донести они до друзей с далекого острова всю прелесть и величие песни Педро Фигуэре-[redacted]?

Сто лет эта песня, ставшая ныне гимном Кубы, горела в душе народа, согревая его светлые надежды. Она звала кубинцев на штурм крепости Байямо, вещие ее слова гремели под аккомпанемент партизанских ружей в битве под Гуанабакоа. Было это очень давно, когда народ восстал против испанских колонизаторов — в 1868 году. Поработители Кубы не смогли тогда убить песню, они расстреляли ее создателя Педро Фигуэредо, имя которого знает теперь каждый кубинец.

Пришли на аэродром встречать своего президента и кубинцы, бывшие в этот день в Москве, — шумные, веселые. И вдруг из их рядов вышел вперед высокий смуглый парень, подняв кверху трубу. Он направился к оркестру, чтобы занять там место и по-своему, как может, исполнить бессмертную песню — песню 26 июля. Вот уже четверть века стоит у дирижерского пульта оркестра почетного караула Георгий Петрович Николаев, а такое видит впервые. Какую-то долю секунды длится замешательство, и вот уже дирижерская палочка взметнулась в сторону музыканта-кубинца, вобрав в яростный победный поток звуков звенящую прозрачную струйку его трубы. Чеканя шаг,

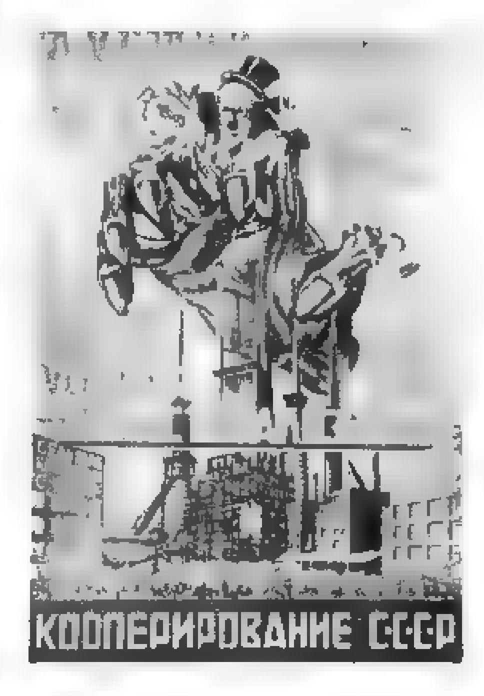
— ДЕЛА НАШИ

В своих мемуарах американский журналист Уолтер Дюранти вспоминает: «Большинство иностранных наблюдателей и деловых людей было убеждено в том, что большевистский эксперимент, как они его называли, не сможет долго продолжаться и НЭП является началом его конца».

[redacted] блефуют, [redacted]. Чем больше от них потребуем, тем больше получим... Если мы будем непреклонны, мы увидим их согнутыми... Они будут счастливы уступить... С точки зрения экономической они прижаты к стене». С такой речью в 1922 году выступал французский промышленник Омон, бывший директор стекольных заводов в Донбассе.

А вот что писала в 1932 году газета «Нью-Йорк Таймс»: «Пятилетний промышленный план, поставивший своей целью сделать вызов чувству пропорции... не является в действительности планом. Это — спекуляция».

1922

518

1040

1932

прошла под музыку перед высокими гостями рота почетного караула.

...В нотной библиотеке оркестра, где мы слушали рассказ Георгия Петровича, есть удивительный уголок. Здесь хранятся гимны девяноста восьми стран.

Собранные в этой необычной библиотеке ноты в ярких обложках, украшенных национальными флагами, порой больше говорят о великих свершениях народов, чем иные атласы или безнадежно устаревшие учебники географии.

Нас приглашают послушать «голоса» молодых свободных стран. Сейчас идет генеральная репетиция. Перед музыкантами нет ни пюпитров, ни раскрытых нот. Ведь и там, в аэропорту или на вокзале, любой гимн из девяноста восьми надо играть по памяти.

...Взмах дирижерской палочки — и вы уже будто зримо ощущаете тропический ливень, и кажется, что знойный ветер ворвался в репетиционный зал. Топот многих, многих ног. Все стремительнее шаг толпы, и вот уже до слуха доносится маршевый ритм, мелодия, которую можно выразить двумя словами: пришла свобода! Это гимн Гвинеи.

— Мы получили его буквально за два дня до приезда к нам президента Секу Туре,— рассказывает Г. П. Николаев.— Это была магнитофонная лента: дробь барабана, монотонный [redacted]мент и два голоса, сдержанно и глухо напевающие мелодию. Тема гимна только намечалась. Пальцы, касавшиеся барабана, рассыпали мелодию, ее нужно было собрать, оркестровать, заставить каждый инструмент дать все, что он может. И эта задача с успехом решена. Как только президент Секу Туре сошел на нашу землю и услышал свой гимн, он чуть приостановился и одобрительно кивнул в нашу сторону. Наш оркестр подарил ноты гимна президенту.

У нас есть свой мастер оркестровки, свой, так сказать, Александров — Анатолий Семенович. Правда, в отличие от своих однофамильцев он не сочиняет музыку. Старшина Александров за тридцать два года работы в военных оркестрах глубоко познал искусство оркестровки. Это он оркестровал гимны Индии, Лаоса.

Георгий Петрович перелистывает папки нот и, словно перечитывая их, вспоминает любопытные истории из жизни своего оркестра.

— Сегодня мы играем девяносто восемь гимнов, а начали с репертуара куда более скромного — были у нас всего две папки. Вот и заглянем в них. С двумя этими гимнами мы отправились перед Ялтинской конференцией из Москвы в Крым. Наш дебют — встреча Черчилля и Рузвельта на аэродроме в Саки. Сэр Уинстон Черчилль тогда пожелал услышать еще что-нибудь в нашем исполнении, и мы сыграли британскому премьеру марш Чернецкого «Слава Родине». Три раза Черчилль просил повторить марш... и даже пытался помочь мне дирижировать.

— Выходит, что мы одинаково с вами, Георгий Петрович, дебютировали под «Боже, храни короля»,— улыбается майор Б. Я. Хохлов.— Три года назад я начинал свою службу в роте почетного караула с рапорта премьер-министру Великобритании Макмиллану.

— Видите ли, товарищ майор,— отшучивается полковник Николаев.— Я лично ничего не читал о вашем дебюте, а вот о моем дебюте рассказал в своих воспоминаниях Эллиот Рузвельт. Кстати, со времен Ялтинской конференции нам ни разу не пришлось исполнить «Звездное знамя». А ведь не забыли ветераны нашего оркестра Павел Корявкин, Дмитрий Разуваев, Василий Александрович мелодию американского гимна. И думается мне, что не зря мы бережем те давние ноты. Зазвучат еще в хороший для мира день два гимна один за другим — СССР и США.

...Перерыв окончен. Семьдесят человек снова заполняют репетиционный зал. Исполняется венгерский марш Ференца Эркеля — это любимый здесь композитор. Проходит десять — пятнадцать минут, и чеканный ритм рвущейся вперед песни сменяет спокойная, лирическая мелодия.

— У нас, как в хорошем букете, цветы на любой вкус,— комментирует мой сосед дирижер Н. Зубаревич. — Вам нравится «Джанаганамана»? Это гимн Индии. Текст Рабиндраната Тагора...

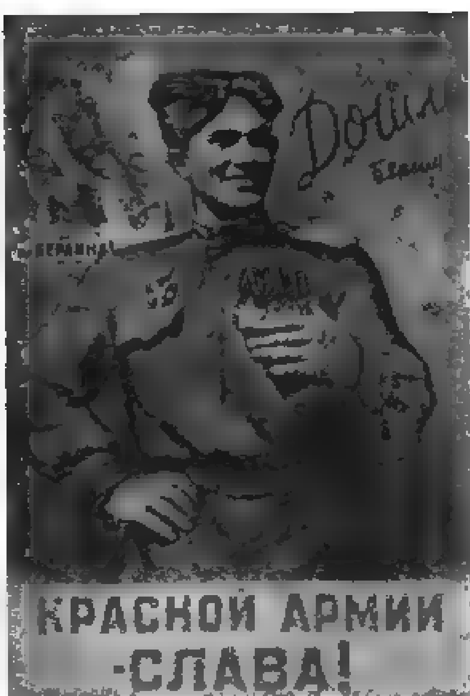
...В тот день, когда мы были в гостях у Георгия Петровича, музы[redacted] обсуждали последнее сообщение: в ООН принято государство Сьерра-Леоне. Значит, в репертуаре оркестра должен появиться новый гимн — девяносто девятый, а вслед за ним не замедлит и сотый... Это песни тех, кто пишет не только свои гимны, но и собственную историю.

СЛОВА ВАШИ — ДЕЛА

1941

3 июля 1941 года гитлеровский генерал Гальдер писал в своем дневнике: «Не будет преувеличением, если я выдвину утверждение, что русский поход будет выигран в течение 14 дней».

1945

В начале войны военный министр США Стимсон предсказал: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России».

1947

В 1947 году консультант Пентагона «по русской экономике» Элсуорт Раймонд писал: «По производственной мощности ключевые для атомной отрасли промышленности в России отстают в среднем на 22 года от соответствующих отраслей промышленности в США».

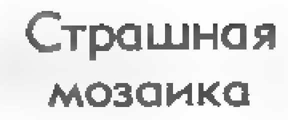
1959

В 1959 году прогнозы изменились. Обозреватель лондонской газеты «Дейли Геральд» Гудман писал: «Хрущев не фантазирует, указывая, что новый семилетний план на 80 процентов увеличит производство Советского Союза к 1965 году, тем самым подняв почти в два раза за семилетний период русский жизненный уровень».

«Помогите ребенку»

Это объявление было напечатано на обложке английского журнала «Сфир». Незаметное среди реклам ликера «Драмбюи», духов фирмы «Уорт», которые «составляют сущность женской элегантности», банкирского дома «Дэвис инвестментс» и прочих, оно гласило: «ПОМОГИТЕ РЕБЕНКУ..., который ест только один раз в день, да и то мало. Пожалуйста, уделите немного от вашего большого состояния. Десять шиллингов хватит на рис и мясо для тридцати обедов». Из объявления неясно, чьи дети и где ждут этих пожертвований. Зато ясно, что на 10 шиллингов для тридцати человек пира не устроишь. Но Оксфордский комитет помощи голодающим, опубликовавший это объявление, очевидно, знает пределы щедрот толстосумов, которые пьют ликер «Драмбюи» и дарят своим супругам духи фирмы «Уорт».

Страшная мозаика

«Я сделал это сам, и вы тут ни при чем. Во всем виновато Социальное обеспечение. Ведь моя пенсия — всего 8 960 лир. Изворачивайтесь вы, если умеете. Прощай, Мария. Извини меня».

Рафаэле Баруффи было 65 лет. Он жил в Риме на улице Джованни Бранка, 104. Мария застала своего мужа в агонии. На полу валялись пустые коробочки из-под снотворного, рядом с ними — записка.

Рафаэле Баруффи жил вдвоем с женой. Он работал всю жизнь, и за это государство назначило ему пенсию менее 300 лир в день: этих денег не хватало даже на то, чтобы платить за квартиру. Если Баруффи и удавалось до сих пор как-то сводить концы с концами, то лишь благодаря поддержке сына Джорджо. Но у сына тоже семья.

История Рафаэле Баруффи — мелкая заметка в несколько газетных строк. Но если подобные «мелочи», рассыпанные по страницам итальянской печати, как галька на морском берегу, собрать воедино, то вместо картины «итальянского чуда», о которой так много говорят буржуазные пропагандисты, возникнет страшная мозаика «итальянского [illegible]

СУДЬБА ЧЕМПИОНА

Любители спорта на Западе были потрясены коротким сообщением: прославленный чемпион мира по боксу Джонни Сакстон пытался повеситься в тюремной камере. Что же случилось с Джонни, некогда любимцем публики, что привело его в тюрьму и заставило пойти на самоубийство?

С точки зрения тех, кто знает подноготную американского спорта, с ним не произошло ничего особенно- [illegible]

Когда Джонни Сэкстон был побит на ринге, он стал никому не нужен. Накопления, сделанные в расцвете славы, быстро подходили к концу. Профессиональный боксер Сакстон потратил многие годы, чтобы получить спортивную квалификацию высшего класса, и другой специальности не имел. Он был готов взяться за любую черную работу, но в нынешней Америке, где имеется постоянная армия в несколько миллионов безработных, не так просто получить место, тем более темнокожему. И чемпион мира стал нищим...

Однако нищенствовать в нынешней Америке — безнадежное дело. Бедняки, боясь еще более тяжелых времен, берегут каждый грош; богачи никогда не отличались добротой и состраданием. Голод переборол чувство стыда, и Джонни стал жить мелкими кражами. Он попытался украсть какую-то безделушку из шикарной машины, но был схвачен. Его спасли от тюрьмы спортивные друзья, уплатившие за Джонни крупный штраф.

После нескольких недель голодной «свободы» Джонни Сэкстон пошел на новую кражу и тут же опять был схвачен полицией. В этих случаях «фараоны» действуют решительно и умело. Когда Сэкстона уводили в тюрьму, он плакал, как ребенок, от горя и позора. В толпе было немало людей, кричавших ему «браво», когда судья поднимал над курчавой головой сильную руку в кожаной перчатке. Еще горше стало экс-чемпиону после того, как он узнал в полицейском, надевшем на него наручники, своего собрата — бывшего тренера по боксу Петера Нельдона. Петеру повезло...

Джонни хотел повеситься на тюремных полосатых носках, но тут тюремное начальство проявило трогательную чуткость и спасло человека.

Впрочем, для них это был уже не человек, а «арестант №...».

ДЕРЖИТЕ... ПОЛИЦЕЙСКОГО!

К большому магазину подъехала машина с полицейскими. Блюстители порядка приказали продавцам не двигаться с места, деловито направились к сейфу, с профессиональным блеском взломали его, извлекли 65 тысяч долларов и скрылись. Нет, нет, не переодетые гангстеры, а самые настоящие служащие американской полиции!

Этот случай стал известен на судебном процессе в Денвере (США), на котором в качестве обвиняемых фигурировали 36 полицейских во главе с шерифом округа Адамсом Робертсом. Подобные случаи не такая уж редкость в сегодняшней Америке.

Рисунки Вл. Добровольского.

НАШИ

1961

8 августа 1961 года газета «Нью-Йорк пост» писала: «Новая победа русских опять выставляет как вралей тех, кто упорно пытается посеять сомнения в научной и технической мощи Советского Союза...»

Сегодня руководитель отдела по проблемам советской экономики «Рэнд корпорейшн» Хоффдинг заявляет: «У Хрущева есть хорошие причины быть довольным тем, какими темпами индустриальный прогресс обеспечивает советскую политическую стратегию материальными средствами, чтобы помочь истории прийти к тому, что предопределяет марксизм-ленинизм».

Вот именно! Есть причины у Никиты Сергеевича и у всего советского народа быть довольными. Да, мы «помогаем истории», мы делаем историю так, как нам завещали Маркс и Ленин!

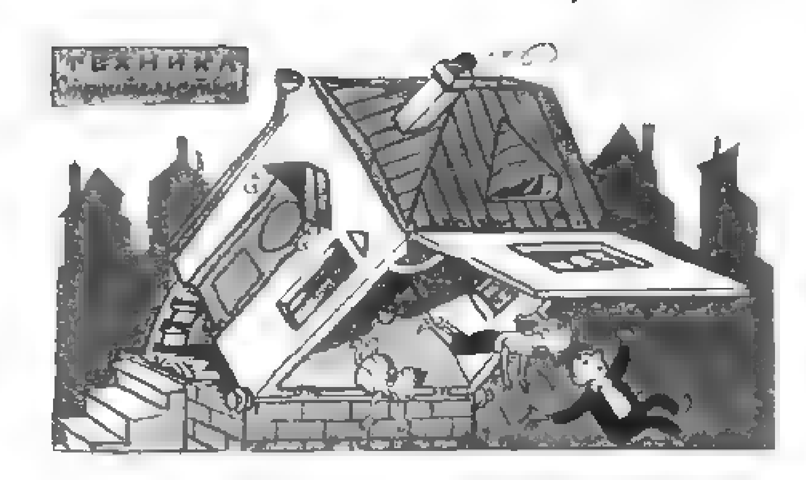
Рисунки Ю. ГАНФА.

←

— Больного привезли в бессознательном состоянии?

— Нет, он лишился сознания здесь, когда узнал, во сколько ему обойдется лечение.

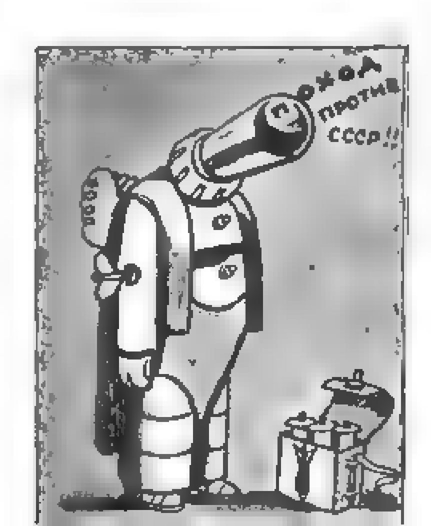

Радость домохозяина домсамосвал. Автоматически выбрасывает квартирантов, которые не внесли вовремя квартирную плату.

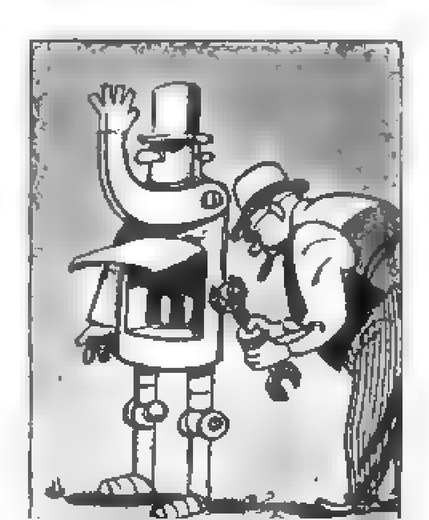
→

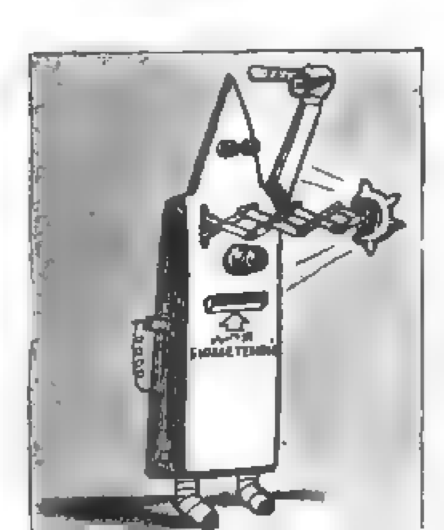
Газетный автомат. Получает сообщения из стран социалистического лагеря и выпускает их в искаженном виде. В передней части — отверстие для долларов

Автомат-конгрессмен. Мыслительный аппарат заменен громкоговорителем. Прилагается набор лент с поджигательскими речами.

Машина для голосования в ООН. Голосует только за американские резолюции. В последнее время пошаливает, приходится подкручивать гайки.

Этот автомат при помощи фотоэлемента определяет приближение избирателя с темной кожей и соответственно реагирует. Особым спросом пользуется в южных штатах.

«...Программа нанесла новое крупное поражение агрессивным силам, идолопоклонникам [redacted]родной бомбы».
Н. С ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

Капиталист: — Эти мирные заводы — самое опасное для [redacted] оружие
Рисунок Рауля Вердини. Рим.

«...еще несколько лет тому назад ни один политик на Западе не смел, не рискуя своей карьерой, заикнуться о вооружении германского бундесвера. Теперь же милитаризация Западной Германии идет полным ходом...»
Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

На усиленном питании.

Рисунок М. Ушаца.

«...солдаты бундесвера топчут британскую землю, куда они не могли попасть с помощью оружия в двух мировых войнах».
Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

— Фриц, неужели ты не помнишь, что мы прибыли сюда только на учения?
Рисунок Гизи Сега. Будапешт

Штурм высоты

Константин МУРЗИДИ

Когда штурмовать начинали
Бойцы укрепленья высот,
Они еще сами не знали,
Кто знамя на них вознесет.
Не видели этих счастливых,
Узнать не могли их в лицо,
Таких же простых, терпеливых,
Таких же бесстрашных бойцов.

Когда мы свой путь начинали
У мира всего на виду,
Мы сами в то время не знали,
В каком долгожданном году
И кто овладеет вершиной,
Кто первым до цели дойдет,

Не знали, с какой годовщиной
Октябрьской она совпадет.
Но Партия делала дело,
Бойцов окрыляла своих,
Талантливо, мудро и смело
На подвиг напутствуя их.

И стала им даль открываться
Яснее с вершин рубежей:
Счастливые, вот они — двадцать
Грядущих бойцов — Октябрей!
Последний свой штурм начиная,
Вступая напористо в жизнь,
Пробьются, пройдут они, зная:
За ними уже коммунизм!

Полет

Николай ГРИБАЧЕВ

Несроден бас аэродрома
Другим басам и голосам,
Он отделяет нас от дома,
Он зазывает к небесам

И торопливостью прощаний,
Где чувства сбивчивы и речь,
Не расточает обещаний
В былых пристрастьях уберечь.

Все убыстряется с полетом —
Минуты, чувства, мыслей бег,
И за каким-то разворотом
На облаках зажжется свет,

И солнце выплывет
в безмежность,
И ветер свистнет грудью всей,
И в сердце хлынет синь
и свежесть,
Смывая мусор мелочей.

Потом неделя за неделей,
Как будто лично в космос вхож,
Все с этой ширью
беспредельной,
Все с этой свежестью живешь,

Все ощущаешь в неизбытьи,
Что, высшей цели не тая,
Мчит из события в событье
По пламенеющей
Орбите
Страна, земля, любовь твоя!

Кукрыниксы. ЗАЛП АВРОРЫ.

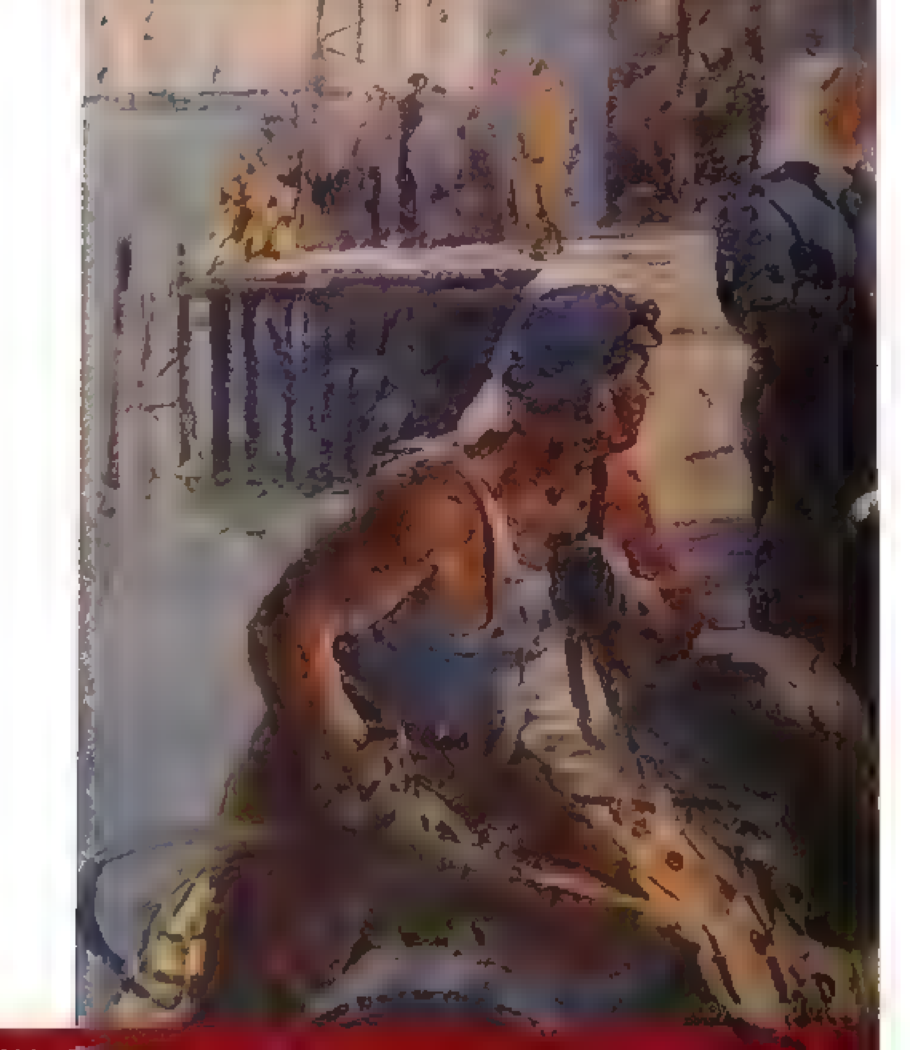
ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ВСЕСОЮЗНУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ВЫСТАВКУ 1961 ГОДА

А. Мерзляков. ПЕРВАЯ ВЕСНА.

А. Саханов.

У ПОКОРИТЕЛЕЙ

КАСПИЯ

В. Булавкин. ЭРНСТ ТЕЛЬМАН.

Л. Чегаровский. КОММУНИСТЫ НА ПОЛЯХ. СЕЯТЬ ПОРА!

Отец и сын

А. ИТИГИН

Если вам доводилось бывать на Выборгской стороне, то вполне возможно, что вы и встречали героев моего очерка. Они от самого своего дома, что на проспекте Карла Маркса, и до завода имени Ильича, где работают в одном цехе, любят ходить пешком. Один из них уже сравнительно пожилой, коренаст и невысок, его крупное, энергичное лицо с широко расставленными, задумчивыми глазами лишь самую чуточку тронуто морщинками. Он подтянут, шагает легко, молодцевато, во всяком случае, старается ни в чем не отставать от своего спутника с фигурой спортсмена.

Поглядишь на них издали, не усомнишься: идут на работу друзья-товарищи. Вот один ругает, а другой хвалит «Зенит», причем старший иногда ссылается и на свой собственный опыт: «Помнится, до войны, когда я был правым краем в нашей заводской команде...» А младший старательно прячет улыбку в губах. Но старший все замечает: «Не веришь, да? Эх ты, мы бы вашей нынешней команде знаешь как дали!..»

Так незаметно добираются они до проходной завода, и старый вахтер даже для виду не заглядывает в их раскрытые пропуска. Только понимающе кивает им вслед: вот уж сколько времени они всегда вместе, всегда рядышком проходят мимо него!..

Вахтер не раз с восхищением и даже с налетом какой-то грустной зависти говорил: «Хороши! Что отец, что сын. Глядеть любо! Да и похожи как!..»

...С тем человеком, которого вахтер называл отцом, я познакомился недавно, хотя давно слышал о нем как о знаменитом разметчике, создателе нового инструмента и новой технологии. За годы семилетки он воспитал целую плеяду своих учеников и последователей. Короче говоря, это был Павел Федорович Писарев, тот самый разметчик Писарев, чье имя знают на многих и многих заводах страны.

Может быть, я так бы ничего больше и не узнал об этом человеке, если бы не случай. Однажды мне довелось побывать на заводском партийном собрании, когда принимали в партию молодого разметчика, комсорга механического цеха Сашу Михайлова.

Саша вышел к трибуне и тихим голосом рассказал о себе. Комсорг заметно волновался. Ему кажется, что сейчас все взгляды устремлены на него. А все, что он мог рассказать, содержалось в нескольких словах: окончил школу, поступил на завод, стал комсомольцем, разметчиком. Комсоргом избрали. А еще он ударник коммунистического труда. Но уж это все и так знают.

Ему хотелось скорей сойти с трибуны. Кончив говорить, он глубоко вздохнул и поспешил пристроиться на скамейке где-то в задних рядах.

— Вопросы будут? — спросил председатель.— Нет? Тогда предоставим слово рекомендующим. Товарищ Писарев. Прошу вас, Павел Федорович.

Тогда-то к трибуне и вышел пожилой человек с гладко зачесанными на пробор темными волосами, в синей рабочей куртке. Он тоже был взволнован и заговорил не сразу:

— Я знаю Сашу, виноват, Александра Александровича Михайлова, можно сказать, почти с самого его рождения. Он... он мне сын родной. Вот... И я, как отец и коммунист, рекомендую его. Рекомендую и несу ответственность...

В красном уголке воцарилась тишина. То ли волнение говорившего передалось собравшимся, то ли не все тут знали, как сложно складывающаяся жизнь крепко-накрепко связала этих двух ленинградских рабочих.

Так с чего же мне начать свой рассказ о Павле Федоровиче?.. Может быть, и впрямь с того времени, когда заводские ребята называли его Пашкой? Вместе они бегали на заводской стадион, чтобы «гонять в футбол» после смены, а на матче всей компанией болели за своего Пашку, когда он защищал честь станкостроителей.

И был в те времена у Пашки такой же, как и он, шустрый и быстрый на ногу дружок Саша Михайлов. Неизменный его, неразлучный напарник и в цехе, и на орущем и свистящем стадионе, и в пору тихой, задумчивой рыбалки, когда не столько следишь за поплавком, сколько за мыслями друга, с которым так хорошо и говорить и молчать. И мечтать! Мечтать, слушая тихий, тихий говор волн и шорох ветра, пробуждающегося в камышах. В такие минуты думалось о чем-то очень большом и светлом. И слова говорились заветные, какие можно доверить только самому близкому, самому верному человеку. И тогда впервые Пашка узнал, что Сашу ждет счастье, а зовут это счастье Юлией.

Вскоре Пашкин друг стал семейным человеком, а позже, через года три, он уже приходил в гости к другу, держа за руки большеглазого, смышленого крепыша Сашу и краснощекую кроху Ирочку с большим бантом на макушке. Павел по-прежнему крепко дружил с солидным и женатым Сашей, в трудную минуту рад был хоть чем-нибудь помочь его семье. А потом... Потом настал тот тяжкий день, когда два друга с Выборгской стороны, Павел и Саша, уходили на фронт... Друзья попрощались. Павел печально улыбнулся:

— Держись, брат... Мне-то что? Я один. В случае чего и жалеть особенно некому.

Война разметала их по разным фронтам. Один из них так и не вернулся домой... Зенитчик Павел Писарев был ранен, когда узнал, что его дружок, его Сашка Михайлов, погиб смертью храбрых в боях за освобождение Будапешта...

...И вот уже шагает знакомой дорогой на завод Ильича демобилизованный солдат Павел Писарев. Останавливается у железных решетчатых ворот и вздыхает полной грудью; прикрыл ладошкой глаза, и словно вся жизнь промелькнула перед ним в это мгновение. Сколько раз они с Сашей выходили из этих ворот после смены, в просаленных кепочках, в спецовках нараспашку, с песнями, которые сочиняли или перекраивали на свой лад:

Жили два друга в нашем
цеху —
Пой песню, пой,
Если один говорил из них «да»,
«Нет» уж не скажет другой!..

Казалось, не годы — десятилетия пронеслись с тех пор. Павел Федорович направился в проходную и тут лицом к лицу встретился с женщиной, которая торопливо шла навстречу.

— Юлия!

Женщина остановилась, пристально взглянула в лицо солдату и, ничего не сказав, расплакалась. Павел осторожно взял ее за руку. У него самого сжалось сердце, сдавило горло.

— Не надо. Я все знаю. А дети? Сашок? Ира?

И столько неподдельной тревоги за детей друга, участия и готовности немедленно помочь услышала Юлия в самом голосе, которым были произнесены эти слова, что невольно улыбнулась и негромко сказала:

— Спасибо тебе, Паша. Ты все такой же.

Да, он, Павел Писарев, был все такой же. В цехе, как и все прежние годы, стоял у разметочной

Фото О. Степанова.

плиты и искусно, с предельной точностью переносил размеры с чертежа на поковки или отливки будущих деталей. По-прежнему орудовал угольниками и рейсмусами, циркулями и чертилками. По-прежнему разрешал на стальной плите нелегкие геометрические [redacted]

Но все трудней становилось решать задачи, которые задавало собственное сердце. Шли годы, а он... все больше, все крепче привязывался к семье погибшего друга. Просто, из одного только желания помочь, приходил он к Михайловым наколоть дров, сбегать за врачом или лекарством, если кто-нибудь из них заболел, а то и так, навестить, побаловать чем-нибудь ребятишек, которых любил, как своих. И уже позже, сам, быть может, того не замечая, все чаще приходил не только из-за них...

Он старался не думать об этом. Слишком сложные и противоречивые чувства тревожили его душу... Весь отдавался работе, а ее становилось все больше. Обучал молодых разметчиков, создавал новые точные инструменты, увлекся и стал разрабатывать новую технологию, которая в конце концов во много раз облегчила труд разметчиков. А потом прибавились еще хлопоты, да какие! Избрали Павла Федоровича депутатом от Выборгской стороны в Ленинградский Совет. И теперь приходилось думать о многом, что выходило за рамки цеха: о строительстве жилья, озеленении улиц. Разбирал разметчик жалобы, принимал участие в судьбах дотоле совсем незнакомых ему людей.

А к семье, которая давно уже стала для него родной, тянуло все сильнее. Он ни о чем не говорил Юлии. Она по-прежнему была приветливой, сердечной, только чуть-чуть, казалось, стала задумчивей. О чем она думала? Разве он мог знать? А может, и знал, да самому себе не решался в том признаться. Может быть, они думали об одном — о Саше и о детях... Им бы поговорить, им бы столько сказать друг другу, но бывает одно слово труднее произнести, чем самую длинную речь. И они все откладывали, все не решались.

Нужное слово наконец было произнесено, его сказала маленькая Ира, когда Павел Федорович играл с нею в сквере.

— Папа,— вдруг произнесла девочка,— не убегай. Я хочу к тебе...

Он остановился как вкопанный. Лицо его обдало жаром, застучало сердце.

— Юлия,— он еще не перевел дыхания,— ты слышала?

— Слышала,— отвечала женщина тихо и смущенно.— По-моему, она... права.

— Я тоже так думаю, Юлия. И теперь я... буду, я смогу быть им отцом, Ире и Саше...

Она опустила глаза, прижалась к его плечу...

Так начиналась у Писарева новая, необычная для него пора жизни. Он сразу стал и женатым и отцом двух детей. Но Ира и Саша оставались Михайловыми. «Пусть,— говорил Павел Федорович,— они носят фамилию своего первого отца, пусть помнят о нем. Саша дал им жизнь. Он и свою собственную отдал за них». И Писарев, как самую дорогую реликвию семьи, прикрепил к стене над столом фотографию друга.

Время бежало удивительно быстро. Павел Федорович приходил с завода усталый, но всегда готовый принять на себя кучу новых забот. Пусть даже самых будничных: помочь Юлии по хозяйству, сходить с Ирой к врачу, проследить за Сашиными уроками. Саша взрослел, казалось, не по дням, а по часам. И нередко, вернувшись домой, когда Саша уже крепко спал после дневной беготни на футболе, Павел Федорович подолгу задумчиво стоял возле его кровати, узнавая в мальчишеском лице дорогие черты друга.

Настал день — школа окончена, и надо выбирать дорогу в будущее. С утра отец и сын не разлучались. Они уехали на рыбалку, в те самые места, где когда-то перед войной бывали молодые Павел и Сашин отец.

Павел Федорович сидел на том же прибрежном камне, обхватив колени руками, и рассказывал о заводе на Выборгской стороне, где они с другом росли и стали настоящими рабочими. Увлекаясь, как всегда, он описывал своих новых друзей по цеху, с которыми так хорошо. Какие они создают своими руками удивительные станки!.. Да, когда он, Павел Федорович, работал там со своим другом, они изготовляли обыкновенные точила, те, которые были пригодны, чтоб навострить обыкновенную пилу. Теперь — уникальные прецизионные станки, которыми восхищаются за границей...

— Отец, клюнуло!—Саша вдруг прервал Павла Федоровича и рассмеялся.

Писарев схватился было за удочку, но, увидев лукавые Сашины глаза, вопросительно поглядел на него.

— Это я к тому, что не надо меня больше агитировать, я все уже понял.

Вскоре в механическом цехе станкостроительного завода имени Ильича у знатного разметчика Павла Писарева появился новый, очень смышленый ученик, Саша Михайлов. Его разметочную плиту установили рядом с отцовской. Павел Федорович торжественно вручил ему свой угольник, рейсмус, керн и стал учить. Писарев, глядя на сына, радовался. Думал: «Хорошо, паренье,— но вслух не [redacted]

Если случался у парня промах, никто так сурово не «прочищал ему мозги», как Павел Федорович. Однажды Саша, выслушав очередное такое назидание, обиделся:

— Даже мастер с меня так не спрашивает, а ты...

— А я, дурень ты мой, должен с тебя больше всех на свете спрашивать! Потому, что я отец...

Отец!.. В день, когда экзаменовали Сашу на первый рабочий разряд, Павел Федорович едва мог совладать с собой. Перекладывая с места на место инструмент, зачем-то подходил он к конторке, где заседала комиссия, снова возвращался на свое место... А вечером в маленькой квартирке на Выборгской стороне устроили праздничный ужин: появился в семье еще один рабочий.

И побежали дни за днями, удивительные дни! Два разметчика, старый и молодой, вступили меж собой в своеобразное соревнование. Старого догонять было не так-то просто, он то и дело придумывал новые и новые, причем самые неожиданные приспособления, какие-то особенные держатели. Саша видел, как отец мог каким-то чудом целую смену пользоваться одним и тем же разметочным шильцем, не затачивая его. Писарев хотя и учил Сашу и, разумеется, делился с ним мастерством, умением, но хотел и другого: хотел, чтобы сын не приучался пользоваться «готовеньким». Пусть больше шевелит мозгами, пусть даже откроет иной раз уже открытую Америку — все равно на пользу!

В скором времени на разметочных плитах начали появляться приспособления, придуманные Сашей.

Сын учился у отца не только мастерству. Он часто задумывался: почему Павла Федоровича так уважают на заводе, почему люди тянутся к нему? Значит, есть еще что-то такое, кроме золотых рук Писарева, за что так любили его, неизменно называя его кандидатуру, когда избирали партийный комитет или цеховое партбюро.

Что же это? И чем пристальнее он присматривался к отцу, тем чаще замечал: до чего ж добр он к людям, до чего приветлив, без всякой корысти! Всегда и везде. Вот просто так заметит, что запарились, скажем, сверловщики, пойдет, подсобит. У кого-то в семейных делах осложнения — Павел Федорович тут как тут: поможет, посоветует.

Эта готовность всегда помочь товарищу, поддержать его с особенной полнотой пришла к Саше, когда отец и сын стали бороться за звание ударников коммунистического труда. К тому времени Саша уже стал студентом вечернего техникума, а Писарев — слушателем экономических курсов...

Однажды вышло так, что в цехе не хватило станочников. Завезли первоклассное оборудование, а работать некому. Заводская комсомолия бросила клич: «Молодежь — к станкам!» Не все и не сразу соглашались на такое. На своем, на старом месте всегда легче. Здесь прочный заработок, а там бог его знает, как получится: приспособиться нужно. И все-таки надо же было кому-то проявить почин. Тут Саша и подал голос. Как-то, возвращаясь с завода домой, сказал он отцу:

— Придется расстаться. Ухожу. Правда, не так далеко...

— То есть?

— Очень нужны станочники, и я облюбовал уже себе копировально-фрезерный. Чертежи я читаю неплохо. Мне ведь будет легче, чем другим. Правда?

— Конечно, сынок, правда!

С тех пор незаметно для себя Саша шел по стопам отца. Молодые парни тянулись к нему. Он становился вожаком, его избрали комсоргом. И наконец настал тот заветный час, когда Сашу Михайлова, как некогда и его второго отца, принимали в партию...

...И вот я вновь побывал в доме у Писарева на Выборгской стороне. Вся семья была в сборе. В комнате шумно от смеха и говора. Ира готовила младшую сестренку к отъезду на дачу и хлопотливо примеряла ей собственноручно сшитый халат, семилетний Коля тянул отца за рукав и требовал, чтобы тот почитал ему книжку о разведчиках...

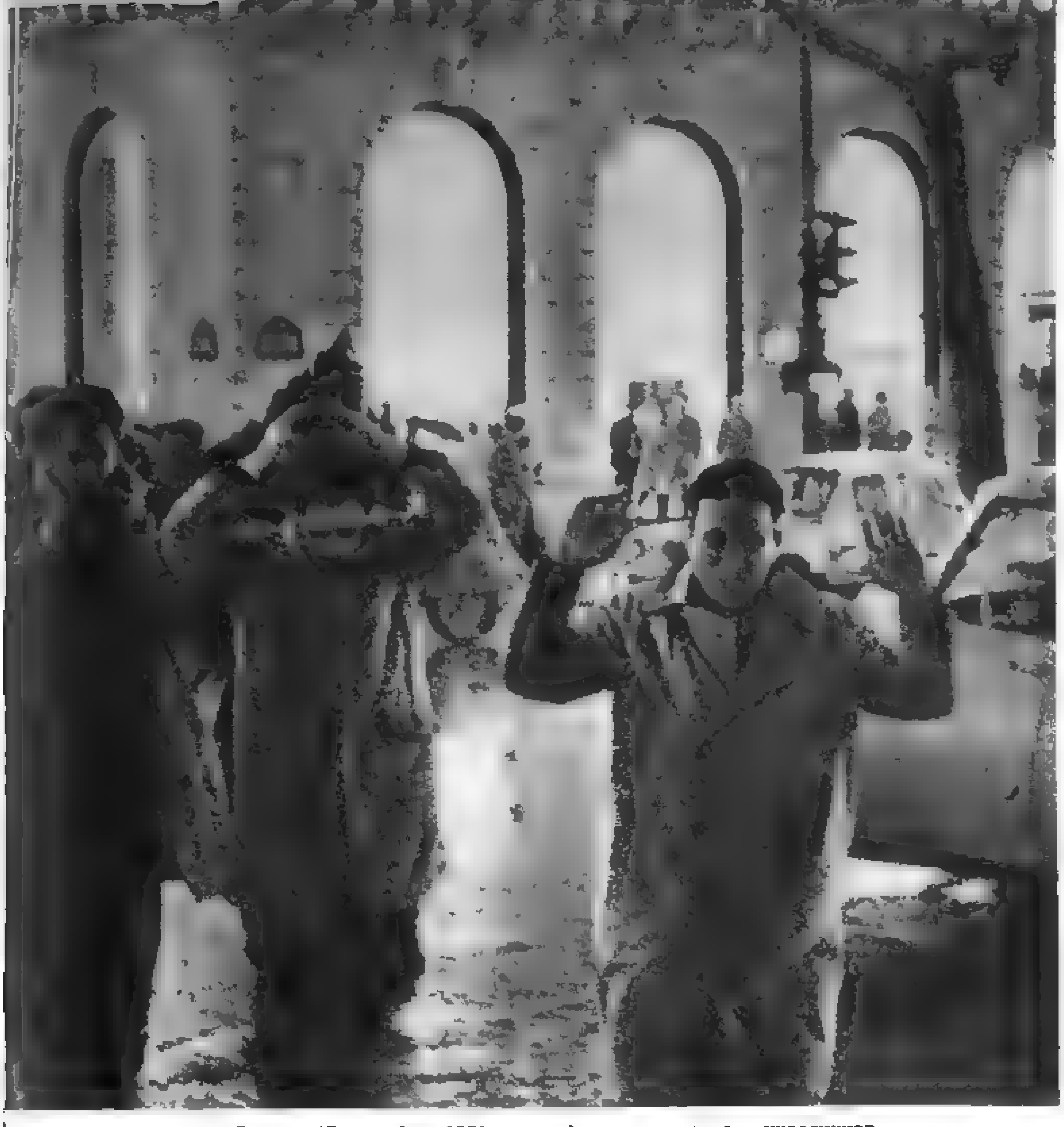
Все ждали Сашу: он должен был прийти вместе с молодой женой и первенцем.

Анри АЛЛЕГ

Недавно парижское издательство «Минюи» выпустило новую книгу Анри Аллега «Бойцы в плену». На обложке, рядом с именем автора, название серии — «Документы». Двести пятьдесят страниц гневной книги рассказывают о зверствах тюремщиков, о воле, мужестве и братстве узников — французов и алжирцев. Три года назад издательство «Минюи» в той же серии напечатало первую книгу Анри Аллега, «Допрос под пыткой», написанную в алжирском концлагере Лоди, куда перевели из цитадели пыток и смерти — «распределительного центра» — истерзанного, чудом оставшегося в живых Анри Аллега. Мир узнал о чудовищных истязаниях, нечеловеческих муках и страданиях, которые подвергся во время следствия ее автор — редактор «Альже

Париж, 17 октября 1961 года. Арест алжирцев — участников демонстрации.

(Отрывки из книги «Бойцы в плену»)

республикен», единственной демократической газеты Алжира. Книга «Допрос под пыткой» была издана в 1958 году библиотекой «Огонька».

Редакция «Огонька» связалась по телефону с директором издательства [redacted] господином Лендоном.

— Рукопись книги «Бойцы в плену» передала мне жена Анри Аллега,— сообщил нам господин Лендон.— Несмотря на то, что эта книга появилась сравнительно недавно, ее уже успели перевести на итальянский и немецкий языки. У нас во Франции новая книга узника алжирской тюрьмы Барберусса произвела не меньшее впечатление, чем «Допрос под пыткой». Я верю, что наше издательство напечатает еще не одну книгу талантливого писателя, который напишет их не в казематах и застенках, а на свободе,— сказал в заключение г-н Лендон.

Палачей Анри Аллега, достойных наследников гестапо, всех тех, кто истязал его друзей, не привлекли к судебной ответственности. Но судили автора книги, который сказал, что алжирцы не смешивают своих истязателей с великим французским народом. Аллега обвинили в попытке восстановить Коммунистическую партию Алжира и «посягательстве на безопасность государства». Десять лет тюрьмы — так гласил приговор военного трибунала, вынесенный ему 15 июня прошлого года.

2 октября 1961 года надзиратель тюремной больницы в Ренне, войдя в камеру Анри Аллега, не нашел в ней узника и увидел [redacted] прутья решетки окна.

Сегодня мы печатаем отрывки из новой книги, в которой несгибаемый борец за освобождение Алжира рассказывает о трех годах, проведенных им в тюрьме Барберусса до суда.

Август — сентябрь 1957 года

— Живее, а ну-ка, живее!

Группами по сто человек заключенных гонят по лестнице тюремного корпуса. Там, внизу, под входными воротами, расположена кухня. Над всей Барберуссой плывет аромат супа, смешиваясь с более острыми благоуханиями жидкости от блох и клопов.

В один прием, на всем ходу, арестанты хватают пайку хлеба, котелок супа, протянутый им из окошка, вырезанного в решетке, и почти в том же темпе возвращаются наверх под непрестанные окрики надзирателей.

— Пошевеливайтесь, эй, вы там!.. Шлюхи вонючие... Я вас сейчас научу, как надо двигаться! Вы у меня запрыгаете!

Крытые проходы на двух этажах окаймлены балюстрадой. Европеец в рубашке цвета хаки, украшенной белым галуном, руководит всеми операциями. Свесившись над балюстрадой, он, как капитан на своем мостике, отдает приказы, которые в разных пунктах подхватывает охрана, оруща во весь голос:

— Проходите, проходите, будить, что ли, вас прикажете? Живее, черт бы вас побрал!

— Второе отделение, прими пятнадцатую камеру, давай одиннадцатую!

— По местам, пятнадцатая, теснее, теснее!.. Посылать! Давай, гони скотов!

По дрожащим ступенькам ураганом проносится вниз новая партия заключенных. Навстречу им совершает восхождение еще одна сотня.

— Проходите живее! Нажимай, нажимай!

Этот поток движущихся тел освещается сквозь высокий стеклянный купол, тот самый, что поднялся над тюрьмой Барберусса, как огромная сторожевая вышка. Свет ярко освещает верхнюю часть белых стен и, тускнея от этажа к этажу, гаснет у земли.

На миг движение застопорилось. В рядах какая-то сумятица. Один из заключенных опрокинул котелок с супом, остановился в замешательстве, не понимая, что ему делать теперь с порожней посудой и раскисшим куском хлеба.

— Взбирайтесь побыстрее! Пожрет завтра, тем хуже для него! Будет знать!

Остановившийся на секунду поток движется дальше.

— Живее, живее!

Крик, брань, перекличка, имена, которые изрыгает микрофон, перекрывают гул, идущий изнутри, им полны мои уши с той минуты, как я переступил порог Барберуссы. Гул этот напоминает отдаленный, словно смазанный маслом, заводской шум. Эти сотни слов, шепотом поверяемых друг другу, шарканье множества ног в камерах сливаются в мрачное и тусклое гудение, монотонное настолько, что вскоре перестаешь его слышать, и кажется, будто из него соткано само безмолвие Барберуссы.

Среди узников — они мелькают передо мною с быстротой молнии — я пытаюсь найти знакомых. Нетрудно догадаться — большинство из них политические. Несмотря на бритые головы, заросшие десяти- и пятнадцатидневной щетиной лица, на рваную, измятую в застенках одежду, заменяющие пояса бечевки, дырявые туфли на веревочных подошвах, никто здесь не выглядит ни сломленным, ни покоренным. Полные гордости, некоторые еще посылают в спину оскорбляющих человеческое достоинство презрительные улыбки. Наперекор тюремному распорядку люди кажутся здесь удивительно сильными, стойкими в своей суровой напряженности.

Надзиратель, который не оставляет меня с самого прихода и пристально следит за мной злыми рачьими глазами на обветренном лице, обращается ко мне, говоря в нос:

— В чем дело? Интересно, что там происходит? А ну-ка, повернуть голову к стене! Понятно?

Я поворачиваюсь, он становится рядом со мной, заложив пальцы за пояс, и наблюдает.

Чеканный звук шагов слабеет и совсем смолкает вместе с последними окриками стражи. Только гул, тот самый, что наполнил в самом начале уши, царит по-прежнему.

— Начальник поста, — обращается мой охранник к стоящему на площадке, — разрешите пройти с этим!

— Отправь его на обыск! Туда уже ведут [illegible].

Этаком кюке, где кухня, я иду по довольно темному коридору, в конце которого вырисовывается светящийся треугольник открытой двери. Здесь камера обыска.

У двери четверо или пятеро раздетых догола людей, лицом к стене, тщетно пытаются прикрыть свою наготу. Это первое унижение из тех, что ждут нас впереди. Стража с сознанием превосходства одетых людей оценивает арестованных проницательным взглядом, словно желая дать им понять, что они уже не принадлежат себе.

Производящий обыск и его помощник, уголовник-мусульманин, просматривают одежду, сваленную в кучу на цементном полу. Уголовник — он отзывается на имя Спагетти — вертится вокруг заключенных. Худощавый, желтый и весь какой-то плоский, он кажется вырезанным из картона. Начальник отдает приказания. Приклеенные к черепу седые волосенки, очки на кончике носа и карандаш в руках. Он шагает взад и вперед, подходит к конторке, на которой лежит открытая ведомость, записывает несколько слов, потом возвращается в коридор и начинает все сначала. При каждом движении его ортопедический башмак, надетый на негнущуюся ногу, издает скрип.

— Так, так, продолжай...

Пока его помощник выворачивает карманы, ощупывает все швы, извлекает недозволенное, он входит в комнату и делает мне знак следовать за ним.

Здесь зловоние сильнее благоухания супа и дезинфицирующих средств. Воздух пропитан запахами давно лежащих чемоданов, кожаных портфелей, всевозможных свертков и узлов, сваленных на полках один на другой до самого потолка. Не задерживаясь, человек с негнущейся ногой поворачивается ко мне и приказывает:

— Догола!

Он делает вид, что не узнает меня. Между тем я уже побывал здесь однажды. В июле 1955-го я был арестован во время налета на «Альже репюбликен» за несколько недель до ее запрещения. Пока я раздеваюсь, он роется в моих вещах и чемодане, бросает на пол одежду, которую я смогу взять с собой, а в чемодан — все то, что до моего освобождения должно будет храниться здесь: бритву, лезвия, зеркало, книги.

— Вы мне не оставляете книг?

— Запрещено.

— Однако...

— Здесь не спорят. Запрещено — значит, запрещено.

Он говорит с явным корсиканским акцентом. В коридоре одеваются уже прошедшие обыск. Их единственный багаж — то, что было в карманах. Они пришли сюда не из лагеря, как я, а из тюрем, из какого-нибудь официального или тайного места пыток. Но у нас у всех одинаковый вид растерзанных путешественников, выброшенных на незнакомый вражеский берег, счастливых, однако, тем, что уцелели в эту бурю. Ведь все арестованные мечтают добраться живыми до тюрьмы. После месяца-двух, проведенных в подвалах «Виллы Сезини», «Казино де ла Корниш» или где-нибудь еще, тюрьма уже кажется тихой гаванью, арест становится официальным, можно написать семье, своему адвокату — воспользоваться этим минимумом благ Барберуссы. И, что самое главное, ты избавлен от допросов жандармов и опасности снова попасть в лапы истязателей.

Сколько писем будет начинаться завтра словами: «Спешу поделиться радостной вестью — я нахожусь в Барберуссе...», — что означает: «Ты долго меня разыскивал, сообщаю тебе, что я жив...»

— Давай поскорее, Спагетти. Ночевать мне тут, что ли! Сегодня здесь просто бордель.

Спагетти суетливо собирает наш несложный тюремный скарб: одеяло, деревянную ложку, железную кружку, кусочек мыла и клочок материи, на котором написано несколько цифр.

— Готово, господин Кампана, раздаю им номера.

Одному заключенному всучили рубашку и серые брюки, на которых стоит клеймо P.C.[1]. Это военный, в тюрьму его привезли в форме, и здесь ее конфисковали. Спагетти объясняет ему по-арабски, что носить в Барберуссе военную одежду запрещается. Для французской администрации не существует алжирских солдат, есть только преступники, и потому даже здесь никто не потерпит, чтобы военная форма придавала реальность существования Армии национального освобожде[illegible].

— Можешь увести вот этих: они расписались, — говорит Кампана одному из коридорных стражей.

С узелками за спиной под его команду они уходят, а я тем временем одеваюсь.

— Давай сюда твой указательный!

Теперь моя очередь, и вместо подписи только отпечаток пальца под списком вещей, оставленных на хранение и сложенных в моем чемодане, закинутом на полку с наклеенным на нем ярлыком. Наконец я кладу на плечо мои вещи, завернутые в одеяло.

Спагетти протягивает мой номер — 923.

— Не теряй его, — говорит он, — здесь это все равно, что удостоверение личности.

— Куда мы его запихнем? — спрашивает охранник с глазами навыкате.

Перед нами начальник поста, который только что стоял на своей площадке и руководил раздачей супа. Маленький, коренастый, с низким лбом под слишком глубоко надвинутой на голову фуражкой, он стоит, наклонившись вперед, широко расставив ноги, как Чарли Чаплин. Позднее я узнал, что старожилы дали ему кличку, исказив несколько его фамилию, — «Жалоб». Рядом с ним, на голову длиннее его, огромный надзиратель с румяным лицом, неряшливо одетый, ждет приказаний. На поясе у него ключи, они звякают друг о друга.

— Надо свести его прямо в камеру, начальник, — предлагает он, — я принесу тюфяк.

Тихий и неторопливый голос никак не вяжется с громадным ростом этого парня; у него маленький рот и пухлые губы капризного ребенка.

— Сегодня этим не занимайся, — отвечает «Жалоб», — отправь его в камеру новичков, завтра будет видно...

Третий страж улыбкой соглашается с ним. Речь идет о том, чтобы я провел ночь на цементном полу, без всякого тюфяка. Всей кожей ощущаю их презрение ко мне. Они несколько иначе проявляют это чувство к мусульманам, но с меня вполне достаточно, хотя все трое обращаются ко мне на «вы», чем я, как это ни парадоксально, обязан их расизму.

— Сюда.

Толстяк открывает дверь и вталкивает меня в общую камеру. Он задвигает засов, и я слышу, как все трое смеются, удаляясь по коридору.

Стены исписаны по-французски и по-арабски, но слишком тусклый свет позволяет прочесть лишь более крупные надписи:

«Да здравствует независимость!», «Да здравствует Армия национального освобождения!», «Долой французский колониализм!».

У стены валяется несколько черствых корок, в углу открытый унитаз издает смрадное зловоние.

Этот первый день в тюрьме меня основательно вымотал. В полдень «забыли» дать мне поесть, последний раз я ел вчера. Но я не чувствую голода, и котелок пустой похлебки, поставленный у двери, не может соблазнить меня. Я чувствую себя размякшим, кладу на черный, грязный пол одеяло и вытягиваюсь, подложив вместо подушки свернутые брюки. Я по горло сыт событиями сегодняшнего дня: отъезд из Лоди, путь на рассвете в полицейской машине, впереди которой идут вооруженные радиофицированные «джип» и полутонка, переезд через ущелье Шифа, где каждый день Армия национального освобождения делает боевые вылазки, прибытие в город Алжир, допрос и, наконец, Барберусса.

Я нашел Алжир таким же, как два месяца назад, когда я был арестован на квартире Мориса Одена. Тот же город пыток, обысков, поверок на каждой улице, в каждом проезде, в «подозрительных» кварталах, задушенных колючей проволокой. Город, живущий на нервах, избороздженный патрулями парашютистов и территориальных войск с ручными пулеметами на изготовку.

К восьми часам меня доставили в военный трибунал, и почти немедленно я был выслушан судебным следователем майором Миссоффом.

Жалоба, которую я подал на своих палачей, а главное, появление этой бумаги в печати и реакция, которую разоблачения вызвали у французской общественности, заставили власти объявить о начале расследований.

В Алжире — столице пыток, где «усиленный допрос» узаконен самыми высокими представителями курса «умиротворения», — это решение, при всем его лицемерии, можно было расценить как большой успех. Но, вероятно, нет и речи о привлечении к ответственности моих мучителей. Пока что я обвиняемый — «покушение на внешнюю безопасность госу[illegible]».

После длительного заточения, пыток и угрозы быстрой расправы в Эль-Биаре мысль о смерти так глубоко засела в мозгу, что я уже не смел надеяться на иной исход.

Я снова вижу перед собою бледное, в рубцах лицо Фока[2]. Это было накануне отправки в Лоди. Вперив в меня свои почти бесцветные глаза, он орал: «Нож у глотки — и всегда начинают давать показания. Мы еще встретимся, вы снова будете в моих руках, без предъявления обвинения!»

В этом лагере среди гор в огне люди постоянно ждали, что за ними «придут». Как только раздавался звон входного колокола, оповещавший о непредвиденном посещении, все прекращалось: разговоры, занятия, игры. Мы знали: пришли, чтобы увести одного из нас. Фаландрис — агент уголовной полиции, откомандированный в распоряжение начальника лагеря, — медленно и тяжело ступая, оглядывал наши молчаливые ряды.

Наконец он останавливался перед тем, кого требовали палачи, и говорил:

— Приготовьтесь... сейчас пойдете вы.

Целый месяц я жил в таком ожидании. И всегда в эти дни отсрочки я испытывал еще большую радость и гордость, что принадлежу к великому освободительному движению Алжира. Как никогда, познал я силу горячего братского рукопожатия, свежесть чистого воздуха, прелесть гор, яркого неба, страны, самой жизни.

...Из высокого зарешеченного окна, выходящего в мрачный двор Барберуссы, долетает до меня какой-то смутный шепот, вскоре он разрастается в песню, одновременно нежную и страстную. Заключенные соседней камеры нараспев читают строки корана. Звуки голосов то легкие и брызжущие, как надежда, то тревожно глубокие, для меня они — как привет от незнакомых, но близких моему сердцу братьев.

Яркий свет, проникающий через купол сторожевой вышки, бросает на стены нашей камеры увеличенные тени решеток. Время от времени огромные и причудливые силуэты наших стражников отпечатываются на этой фреске из чудовищных прутьев, которыми мы окружены.

Текут часы. Никто из нас троих не спит. Я вижу на полу какую-то горящую точку. Это курит, лежа на своем тюфяке, Фернан Б. Второй — Кристиан Б. — тщетно пытается найти такое положение, в котором он смог бы уснуть. Я чувствую каждое его движение: камера настолько узка, что наши тюфяки соприкасаются.

Духота невероятная. При звуке колокола (сигнал ко сну) окошко, выходящее в коридор, — отсюда только и проникает в камеру немного воздуха — закрывается.

Мы почти все с себя сняли, дышим с трудом, словно находимся в парильне. Время от времени ложимся на голый пол, чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, потом поднимаемся, обрызгиваем себя водой из крана над унитазом и снова укладываемся, чтобы снова попытаться уснуть.

---

1 Prison civile — гражданская тюрьма.

2 Бывший капитан войск СС, служивший в войсках генерала Массю. — Прим. переводчика.

— Хотя бы оставляли открытыми на ночь окошки... — говорит один из моих товарищей.

Надзиратели закрывают окна, чтобы помешать нам общаться с соседями и с камерами, расположенными двумя этажами ниже, — там приговоренные к смерти. Мы находимся в крыле старой тюрьмы, позади нового здания с круглым двором и застекленным куполом, который видишь при входе. Это нечто вроде тупика. Здесь содержатся «секретные» — политические, которых считают особо опасными, приговоренные к смерти и, наконец, те, кого пытки и тюрьма лишили рассудка.

Как правило, тюремная администрация проводит два отбора заключенных: первый — по соображениям расизма, когда отделяют мусульман-уголовников от европейцев-уголовников. Последние пользуются особыми привилегиями — душем, услугами парикмахера — чаще, чем мусульмане. Они дольше задерживаются на прогулке, стража обращается к ним на «вы». Из их среды тюрьма вербует своих служащих «благородных» профессий: счетоводов, санитаров, кладовщиков. Обязанности по уборке кухни и мытью посуды падают на мусульман. Даже внутренней организацией Барберусса отражает колониальный режим!

Второй отбор — политического характера: руководители движения, известные деятели, интеллигенция и все те, кто может оказать какое-либо влияние на своих товарищей, сразу же помещаются отдельно. Коммунисты подвергаются этому отбору еще более строго, их даже изолируют от других «изолированных» некоммунистов.

Вот почему по этим признакам отбора Фернан Б., Кристиан Б. и я — мы и европейцы и коммунисты — были посажены в одну камеру № 72.

Когда первый раз перед нами раскрыли двери камеры, мы не могли разглядеть черный, в жирных пятнах пол: три соломенных тюфяка покрывали его. Мы кое-как втиснулись, и в этой тесноте Кристиан и Фернан «представились». Первый — учитель, ему тридцать лет, он преподавал в школе, в Гуссейн-Дейе. Приютил бойцов Армии национального освобождения, которых разыскивали. Второй — почтовый служащий, он тоже прятал у себя подпольщиков.

С того часа, как нас поместили всех вместе, они не раз возвращаются оба к рассказу о своем аресте, заключению в подвалах «Казино де ла Корниш», превращенного после покушения в троицын день в «распределительный центр».

Много дней, как и они, я был в одиночке и прекрасно понимаю, как хочется поговорить с первым встреченным другом.

В темноте звучит голос Кристиана:

— Эти гады полицейские и парашютисты пришли около часа ночи. Как с цепи сорвались. Скажи им только слово, и тут же получишь пулю. Сделали обыск, перевернули все, что было, пока другие держали нас носом к стенке, руки вверх. В «Казино», куда они нас привели, один полицейский сказал мне: «Вам повезло, вы попали как раз в удачный момент...» Мы все приготовились к пыткам. «Удачный момент» — это шум, который был поднят вокруг их методов, вокруг смерти Мориса[3]. Разыгравшийся скандал мешает им «работать» так, как им хотелось бы.

Кристиан — шурин Мориса Одена. Час за часом следил он за трагедией Жозетт Оден после ареста ее мужа. Он нам рассказывает, как в течение десяти дней ее посылали из учреждения в учреждение, из одного «распределительного центра» в другой, и ей все не удавалось узнать, куда упрятали Мориса, пока, наконец, ее не вызвали, чтобы что-то сказать о нем.

— Я отправился вместе с ней и остановил машину, не доехав до того здания, куда вошла Жозетт. Я опасался, как бы ее не выследили. Через несколько минут она вышла — малыш у нее на руках, а тот, что постарше, рядом с ней. Вид у нее был растерянный: я решил, что она вот-вот упадет в обморок. Чувствую, что у нее уже нет сил передвигать ноги. «Морис, Морис, они убили Мориса!» Офицер-парашютист зачитал ей протокол «побега»...

Мы вновь возвращаемся к аресту Одена.

— В «Корниш» каждый был заключен в одиночном подвале. Полицейские и «пара»[4] спускались сюда за своими клиентами.

— Никого не пытали?

— Только Жоржа С. Он был арестован до нас. Мне удалось услышать несколько слов через стенку. Да, к нему применили электричество и, конечно, побои. Он хотел покончить с собой. На руках еще не зарубцевались раны.

— И меня тоже пытали, — говорит Фернан. — Я был взят DST[5] в Бузареа. Стоны, крики со всех сторон, вой... Я больше не мог. Честное слово, просто, как автомат, я разорвал свою сорочку и принялся плести веревку. Меня вынули из петли. Я был без сознания, они привели меня в чувство, сделав мне укол. До сих пор не могу понять, как я до этого дошел.

Звук нескольких выстрелов прострочил сигнал «гасить огонь».

Так почти каждую ночь. Пулеметная очередь — это или разыгравшиеся нервы часового, или короткая расправа, поданная назавтра в газетах как «попытка к бегству».

Слышны шаги в коридоре, они приближаются и смолкают перед нашей камерой. Свет проникает к нам поверх двери, слепя глаза.

Надзиратель прильнул к глазку, просверленному в окошке, и шарит по всем углам камеры. А заодно проверяет, надежно ли закрыт висячий замок. Он производит такой шум, что мы подпрыгиваем. Как только свет гаснет, тени, падающие от решеток, снова за- [redacted].

Шаги удаляются, каждый раз замирая у других дверей. Звук проверяемых замков, щелканье выключателей, и наконец мы не слышим больше шарканья ног.

Через час следующий обход.

...Из камер смертников поднимается голос, звонкий и ясный, поражающий своей силой в рассветной тиши. Это голос муэдзина — его избрали приговоренные к смерти. Каждое утро он зовет их на молитву. В эти одинокие и медные звуки вливаются переливы более глухого звучания — хора верующих.

После молитвы на какой-то миг вновь водворяется молчание, словно ночь еще медлит уступить место заре, затем один за другим просыпаются тюремные звуки: сначала сухое щелканье дверных окошек, открываемых надзирателями, скрежет замков, затем долгий звон цепей — их волокут по цементному полу к дверям камер смертников. Ни один из них не переступит порог без этих оков, каждое утро им подносят цепи. Слышно, как приближается с остановками тупой звук полного ведра; его ставят наземь, затем звонкий удар железной дужки. Это кофе. Его сначала раздают первому отделению, потом второму и, наконец, третьему. В дверных окошках через полуоткрытые решетки, чтобы в них мог пройти котелок, показываются руки, протягивающие посуду.

Каждый из нас имеет право на четверть [redacted]

(Продолжение следует.)

[3] Морис Оден — молодой научный работник Алжирского университета. Он был схвачен незадолго до ареста Аллега. На следствии два друга однажды встретились. Палачи уничтожили Одена еще до суда. В Париже создан «Комитет расследования убийства Мориса Одена». В него входят видные общественные деятели Франции. Они требуют суда над убийцами Мориса Одена. — Прим. переводчиков.

[4] Парашютисты.

[5] Управление территориальной охраны.

↓ Город Алжир. Французские жандармы проводят обыск в мусульманском районе города.

Олекса ЮЩЕНКО

Ночь по рощам тычется,
На куски расколота.
В море электричества
Звезд померкло золото.

Вся огнями вспенена
За Москвой дорога —
Светят звезды Ленина
Без согласья бога.

В Горках, в Подмосковье,
В этот звездный вечер
Поднесли с любовью
Нам хлеб-соль при встрече.

Пели мы с друзьями
Во дворце сверкающем...
Мы сплелись корнями
В давние века еще.

Всюду на виду мы,
Русь и Украина,
И сердца и думы
Слиты воедино!

Целину ли пашем мы,
Приручаем реки —
Мы трудами нашими
Спаяны навеки!

Славною победой
Как нам не гордиться?!
Нынче в книге этой
Новая страница.

Во дворце колхозном
Жмуришься от света.
Ленинскими звездами
Вся земля согрета!

Зал от песен тесен,
Залит светом ярким.
С шуткой мы да с песней
Выпили по чарке.

Молвил Кухаренко
(Местный агроном он):
— Дивный «Симиренко»
В Горках, точно дома.

Так прижился, словно
Выращен любовно
Здесь, вдали от Киева,
От родного Млиева[1].

Хором мы сказали:
— Вам, друзья, спасибо!
И теплее в зале
Стало от улыбок.

В этот вечер синий
Вспомнил неспроста я:
Шла в лаптях Россия,
Топала босая...

Полыхнули в дали
Ленинские зори —
Тучами растаяли
Нищета и горе.

С каждым днем чудесней
Жизнь родного края
...В ночь мы дружно песню
Хором запеваем.

Песня в небо звездное
Простирает крылья
Над землей колхозною —
Краем изобилья.

Здравствуй, Русь, в грядущие
Годы устремленная,
Ленинской зовущею
Думой озаренная,

Вечно будь цветущая,
Вечно будь зеленая!

Перевел с украинского
Петр **СЫНГАЕВСКИЙ.**

---

[1] В Млиеве выдающийся садовод Симиренко вырастил свой замечательный «ренет»

Дэнни ОСЭДЬЭЙ
(Нигерия)

Я не ищу ни славы, ни богатства,
прошу у жизни благ совсем иных:
защиты от стихий
и воздуха свободного, чтоб мог дышать я!..
Хочу владеть я правом человека,
хочу владеть я правом думать мои думы,
хочу владеть я правом говорить свои слова
и правом просто выпрямиться,
чтоб спину разогнуть
и душу собственной назвать...
За это все сражаюсь я непримиримо —
без отдыха, без сна, неустрашимо!

Перевела с английского
Р. КРАСИЛЬЩИКОВА.

Помощник мастера прядильного цеха Анна Михайловна Богатова с молодыми прядильщицами Женей Семковской и Тамарой Сиволоб.

ПЕРЕД КОНЦ НА ГЛУХОВ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото А. Уэлина и Я. Бородулина.

ЕРТОМ
КЕ

Репетицию перенесли на вечер, и я, решив побродить по родным местам, сразу нашла знакомый скверик.

Мы ходили сюда пешком, беззаботно вороша груды яркой осенней листвы латаными-перелатанными башмаками; трамвайной линии от города до Глуховки тогда еще не было, город же назывался не Ногинск, а Богородск. В скверике мы располагались полукругом и ненадолго затихали: учительница Капитолина Петровна, преподававшая обществоведение, требовала, чтобы каждый из нас зарисовал памятник Ленину как можно аккуратней: лучшие работы должны были украсить школу к Октябрьским праздникам. Отважно вытаскивали мы карандаши и блокноты из брезентовых портфелей; осень щедро сыпала золото кленов и берез на наши склоненные головы... Раньше всех протягивала Капитолине Петровне законченный рисунок Женя Белова — первая ученица, потом другие ребята; а я и Катя Касимова — любимая подружка моя — мы все еще беспомощно старались передать неуловимо живой ленинский жест — рука поднята вверх и чуть откинута в сторону; одухотворенное выражение лица, стремительность шага: Ленин словно ступал нам навстречу с постамента.

...Будто и не прошла вся жизнь. Будто вчера все это было. По-прежнему светло и радостно полыхают березы неугасимым пламенем осени, и клены, разросшиеся вокруг памятника Ленину, медленно роняют последние медно-кованые листья со своих ветвей...

— Значит, историю памятника вам не однажды рассказывали? — осведомляется между прочим директор Глуховской мануфактуры Александр Сергеевич Соболев

Историю?!. Я бы, конечно, помнила!.. Нет, ничего нам не рассказывали. Но как спросить?!. К счастью, Александру Сергеевичу некогда вникать в мое замешательство. В его приемной нетерпеливо ждут люди — по меньшей мере два-три десятка занятых людей; среди них даже опытнейший секретарь Елена Константиновна не может найти никого, кто бы мог без ущерба прийти завтра. У всех дело не терпит отлагательства, всем некогда, у всех горит! У Глуховки сейчас не семилетний, а трехлетний план жилищно-бытового и производственного строительства; глуховцам отпущены огромные средства, развертывается колоссальный фронт работ; массы людей на комбинате пришли в движение, и всем нужен совет, все хотят всё сделать как можно быстрей и лучше... Самые догадливые уходят и звонят Соболеву по телефону; он берет то одну, то другую трубку и смотрит на меня с веселым отчаянием. Наконец догадка озаряет и его:

— Я ведь, знаете ли, здесь всего каких-нибудь пять лет! — Директор хитро поблескивает глазами. — С кем бы это вам лучше поговорить?..

— Может быть, начать с Хитровой, — советует вездесущая Анна Ивановна Воздухова, инженер по профессии, отличный массовик-организатор по призванию.

— О! — восклицает обрадованно Соболев. — Ее и навестите. Сам бы с вами пошел, да ведь видите...

Матрена Михайловна давно уже не живет в тех старых морозовских казармах, которые мы, будучи школьниками, когда-то рисовали как пережиток капитализма. Мы идем в Октябрьский поселок, в новые дома, но и здесь находим Хитрову не сразу: у нее теперь отдельная квартира.

Высокая, статная, с белоснежной волнистой прической Матрена Михайловна укладывает спать правнука, крепенького, словно репка, и усаживается на ковровый диван.

— Страсть корреспондентов не люблю! — говорит она энергично. — Вы уж хоть лишнего не пишите! Саша-то Соболев еще молодой: он думает, я с девочек в партии, а я только в тридцатом вступила. Дети малые были, да и было их девять сыновей и одна дочка! Ну, конечно, все равно для партии безотказно все делала, только моей в том заслуги никакой такой нет: и все так делали!.. В двадцатом году послали меня на Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Жили мы на Солянке. Помню, дали нам солому — ночевать... Грязная была Москва, зато всюду церкви звонили, ведь сорок-сороков! В столовой кормились в Охотном ряду, домик был скверный, дряхлый — низ каменный, верх деревянный. Давали делегаткам ржавую селедку и чаю сколько хочешь... Помню, выступала на съезде Коллонтай; приехала в чёрном платье, вот как у вас; мы про нее думаем: барыня; то ли ей верить, то ли нет... А потом вдруг вышел Владимир Ильич и встал рядом с трибуной. Как мы обрадовались: вскочили, начали хлопать, а он нам говорит: надо всюду ликбезы устраивать и учиться беспрестанно! Ну, и правда, начали мы учиться...

— А памятник? — осторожно спрашивает Воздухова.

— Это уж после было, когда в двадцать третьем наши к Владимиру Ильичу ездили... Да вы лучше сами зашли бы к Гусевой Клавдии Ивановне; она хворала, а сейчас ничего, обошлась.

Мы идем в другие новые дома; сколько же их теперь на Глуховке!.. К Клавдии Ивановне пускают не сразу, и радушная, пухленькая, кареглазая старушка, улыбаясь, оправдывается:

— Три дочери — и вот все врачи! Да еще одна педагог. Охраняют, куда от них денешься! А про памятник я все расскажу, отлично помню. Осень была в двадцать третьем году ясная, как сейчас. Мне на фабрике и говорят: приходи, Клава, завтра пораньше, до смены; я молодая работница была, пришла, вижу: стоит грузовая машина. Холодова мне объясняет: поедем с тобой навещать Ленина, — нас выбрали. Я обмерла. Спрашиваю: что ж ты вчера не сказала?! А она рассердилась: ты бы, говорит, всю ночь не уснула! И правда... Повезли мы Ленину в подарок молодые вишни — хорошие такие деревца, — слышали мы, что он природу очень любит. Приехали в Горки; сначала проверили нас: кто, откуда,— потом говорят: да, правильно, Ленин вас ждет. Вошли в залу, Мария Ильинична встречает, — раздевайтесь, Владимир Ильич скоро выйдет!.. Глядим, вот он и вышел, ведет себя так просто, поздоровался за руку со всеми и повел в кабинет. Мы ему рапорт прочитали, как дела идут на фабрике, как мы стараемся, а он нам говорит: это хорошо, отлично, очень хорошо!.. Тут наш рабочий, кузнец — и по фамилии тоже был Кузнецов — не вытерпел, вскочил, начал Ленина целовать, мы, говорит, всё сделаем, только бы вы, Владимир Ильич, поправились! А видно было, что хворал Ильич: говорить ему трудно было... Но и то видно было, что он нам был рад: посидел с нами охотно, сам показал, где вишни сажать. А потом пошли ужинать; сыр, помню, лежал на фарфоровой дощечке, а чай Мария Ильинична из самовара наливала... Ну, тут уж стемнело, дни-то короткие, осень; Владимир Ильич сказал, чтобы мы ночевать остались, — кругом-то неспокойно было. В Горках переночевали, а на рассвете уехали. И вот как вернулись, рассказали все на митинге, передали рабочим от Ленина привет, они и решили, чтобы обязательно скульптурный портрет Ленина возле фабрики поставить! Партийцы решили, — я еще тогда в партии не была; я с двадцать четвертого — в Ленинский призыв — вступила; но ведь и для беспартийных Ленин был как отец...

Разрумянившаяся Клавдия Ивановна оживилась и помолодела, но, видно, это не очень нравится ее дочери, заглядывающей в приоткрытую дверь: волнение может повредить старушке. Ничего не поделаешь, мы прощаемся.

— Теперь — к Ананьевой! И только к ней! — решает на улице стремительная Анна Ивановна. — Это ж депутат Верховного Совета, все знает!

Сразу располагающая к себе, приветливая и домовитая Любовь Ивановна Ананьева встречает гостеприимно:

— Сама до чего рада со своими на Глуховке побыть: то на съезд делегатом ездила, то домá доставала...

— Какие домá?

— Пятиэтажные,— просто отвечает Любовь Ивановна. — Пока два дома получила, зато и ним — два крана! Быстро поставим...

— В Москву едет, так еще ладно, близко, а за границу умчится, вот и волнуюсь тут; обращение-то у них вежливое: «мадам», «госпожа», а ведь знают, что простая ткачиха, и уж, небось, как недовольны, — жалуется Мария Ивановна, мать Ананьевой, известная всей Глуховке тетя Маша... Она сидит с нами в ситцевом платочке, поверх теплая шаль, худенькая и тихая восьмидесятилетняя женщина, сложив на коленях чистые, ласковые, наработавшиеся руки с крупными опухшими венами.

— О ленинском памятнике и я все знаю, — говорит она. — Только открыли у нас этот памятник, только разошлись — вдруг, что такое: через два часа траурный митинг собирается!.. Хотели мы, чтоб долго жил Ильич, а вот не сбылось по-нашему. Думали, может, удастся еще навестить Ленина, — конечно, послали бы кого пограмотней; я-то совсем темная была. Мужа еще в первую мировую войну убили, одна осталась с ребятами, — так ведь не пропали, всех Советская власть в люди вывела!.. Мы по-другому росли. Как тятя убился у барина, нас четверо осталось: Дунька, Настя, Катя и я. Мама порешила, кому в прислуги, кому на поденку, а мне — милостыню собирать. Кругом голод, холера, смерть. Много ли насбираешь... Поехали на Глуховку, а здесь никого не берут: барин, слышь, серчает. Сидим, голодные, возле фабрики, ждем, авось, бог смилуется. И что ж, пожалел меня швейцар, говорит: как подъедет барин Морозов Арсентий Иванович на пролетке, сейчас ты кидайся ему в ноги, просись на работу!.. Подъехал барин; я кинулась в ноги, плачу:

— Арсентий Иванович, возьмите на работу за ради бога!

Он удивился на меня:

— Сколько ж тебе лет?

— Восемь.

— Как же ты работать будешь?

— Да, маманька у меня и еще сестры старшие.

Послал он нас сперва в деревню, за скотиной ходить, — два фунта ситного хлеба и четвертку чаю на праздничный день нам положил; после уж на фабрику мы определились. Ну, и стали жить, как все люди, — на нарах; тринадцать человек на полу ночевали, дружно жили, ничего не скажешь! Мать моя работящая была и до людей ласковая, скажут ей: потеснись, тетка Маланья, — что ж, и еще потеснится... Потом все девки замуж вышли; мой-то Иван пил очень; колотил меня смертным боем, пока не убили его на войне. У меня тогда и слез не было. Мне извещение: погиб, мол, муж-то твой, а я отвечаю:

— В обморок не упаду, не беспокойтесь!.. Только ему тоже не сладко было, не от хорошей жизни пил... Ну, потом уж пошло у нас на фабрике брожение, бывало, жандармы прямо на лошадях по коридорам скачут, все в казарме вверх дном перевернут: листовки искали...

— Это и я помню, — замечает Любовь Ивановна. — А была ма-

[redacted]

— Вот тогда мы вскорости и услышали: большевики, Ленин, — продолжает мать... — Был бы жив Ильич, удивился бы на нас, на наших детей!.. Гусева с детишками еще два раза в Горки ездила: вишни подсаживать; прежние деревья старые стали. Пятая школа шефство взяла над ленинскими вишнями. В пятьдесят шестом ездили и позапрошлой осенью...

— Не было раньше в Глуховке пятой школы. Вообще не было своей десятилетки, — говорю я. — В Ногинске учились.

— А теперь у нас несколько школ, — рассказывает Любовь Ивановна. — И все готовят кадры для Глуховки; у каждой школы свой профиль, выбирай что хочешь!.. Я-то в тридцатом году после ФЗУ на ново-гребенную фабрику поступила, — до всего приходилось самой доходить; постепенно многостаночницей стала; на десяти сторонках работала. В сорок седьмом году орден Ленина получила, а в шестидесятом — Героя Социалистического Труда. И век бы от станка не отошла, горючими слезами обливалась, когда инструктором меня назначили... Только теперь успокоилась. И даже как-то радостно стало молодежь воспитывать, — специально с отстающими я занимаюсь. До тех пор работаю, пока не перестанет быть девушка отстающей!.. И знаете, до чего я к ним привыкаю, словно родные дети становятся. Иную уж ударницей коммунистического труда величают, а она скажет: тетя Люба, сколько ж вы горя со мной приняли! А я про горе забываю совсем; такой, видно, характер,— вот

Шлифовщик Николай Вушкарев, электрик Павел Семин, токарь Геннадий Братилов, слесарь Владимир Ионов. Да разве перечислишь всех, кто играет в оркестре народных инструментов, которым вот уже двадцать пять лет руководит на Глуховском комбинате И. Н. Столяров!

Участники концерта приветствуют зрителей.

и мать больше хорошее помнит, [redacted]

И мать согласно кивает: хорошее надо помнить, ради счастья живет человек на земле; только мало кому оно доставалось, счастье-то, в прежние времена...

На Глуховку опускаются ранние сумерки. Я опять иду к памятнику. Теперь я знаю, что его делал глуховский скульптор-самоучка, бывший маляр ткацкой фабрики Федор Петрович Кузнецов.

Почему же не замечала я в детстве старенькую табличку, на которой написано: «Первый памятник в мире В. И. Ленину, открыт 22 января 1924 года».

Может, эта табличка появилась позднее?..

Я обхожу вокруг невысокого постамента и вновь читаю: «Больше доверия к силам рабочего класса. Мы должны добиться того, чтобы каждая работница могла управлять [redacted]».

...Глуховский клуб за углом. Туда [redacted] кестра Столярова. Бегут детишки, занимающиеся с балериной Кликской. Девушки — участницы танцевального ансамбля — в сафьяновых сапожках отбивают чечетку на высоких каблуках. И горделиво [redacted] своих шелковых пунцовых платьях. Баянист уже на месте. Он осторожно пробует лады перед тем, как хор начнет «Песню о Ленине»...

Глуховка танцует...

Зрители благодарят участников [redacted]

Березки в осеннем убранстве

Фото М. Савина.

Вахта китобоев

В Антарктиде наступает полярный день, а с ним начинается труд китобоев на промысле.

В день открытия XXII съезда КПСС флотилия «Юрий Долгорукий», пополнившаяся тремя новыми китобойцами, вышла с Балтики во второй промысловый рейс. Моряки флотилии посвятили этот рейс историческому съезду Коммунистической партии.

Фото капитана 1-го ранга запаса В. Макеенко.

КУБОК У «ШАХТЕРА»

Не успели любители футбола порадоваться успеху киевских динамовцев, завоевавших золотые медали чемпионов страны, как снова прозвучали имена украинских футболистов. На сей раз это были спортсмены Донбасса. В борьбе за Кубок СССР они успешно миновали все препятствия и встретились в финале с обладателями серебряных медалей — торпедовцами.

Кубок на сей раз оспаривали команды, занявшие на первенстве СССР 1961 года второе и двенадцатое места. За плечами одной команды победы и в первенстве страны и в кубковых турнирах, за плечами другой — неизмеримо более скромный «послужной» список: бронзовые медали в чемпионате СССР и три игры в полуфи- [illegible]тречах на Кубок.

Кто же победит на сей раз? Думается, нам, что немногие из зрителей, смотревшие финальный матч с трибун стадиона имени В. И. Ленина и по телевизорам, надеялись на победу «Шахтера». Но донбасские футболисты провели матч на очень высоком уровне, оказались сильнее торпедовцев и в атаке и в защите, и вот заслуженный успех — 3 : 1 в пользу «Шахтера».

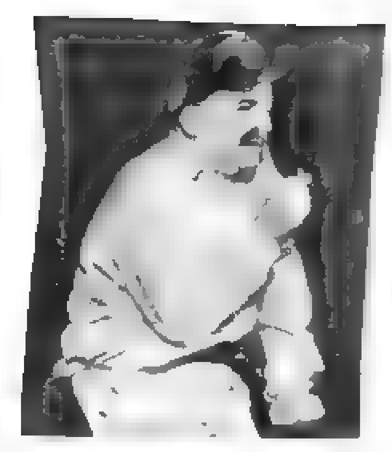
Кубок СССР вслед за золотыми чемпионскими медалями отправился на Украину.

Вот она, победа!

Фото А. Вочицина.

Прозрение Левона

Народный артист СССР Б. Платонов в роли Левона

Фото И. Ефимова.

Присмотритесь поближе к колхознику Левону, которого недавно показал со сцены Белорусского академического театра имени Янки Купалы народный артист СССР Б. Платонов. У Левона сильные руки; он приземист, подвижен и трудолюбив, как пчела; с людьми общителен, почти ласков, а в глазах затаилась этакая крестьянская хитринка. И как ни крепко стоит он на земле, сквозит в нем какая-то внутренняя неуверенность. Может, поэтому он чаще смотрит в землю, чем в глаза людям, может, поэтому он не в меру суетлив?

Левон — хозяин рачительный. Полюбуйтесь, какая корова у Левона, какие гуси, утки, какой огород! Дома у него телевизор последней марки, на дворе — чистота, цветы...

Жить бы да жить Левону в довольстве и радости. Но... неспокойна совесть Левона. Люди строят колхозную жизнь сообща, а Левон — в стороне; дальше дома да огорода ничего он не видит; в колхозе «отрабатывает» положенное, а весь талант и силы в свое, личное вкладывает; мало того, не прочь прихватить и общественное добро. Это его, Левона, чуть не поймал ночью колхозный сторож Максим, когда Левон собирался унести колхозное сенцо для своей коровки. Так и пришлось ему бросить зря холщовую подстилку! А теперь еще Максим вот-вот уличит его, выставит на позор!..

Чем дальше, тем сложней становится жизнь Левона. Дочь с молодым мужем ре- [illegible] ном доме, без приусадебного участка. А жену Лушку выдвинули депутатом в сельсовет. Вот тут-то она и развернулась! Тут-то она показала себя. Ему, Левону, велит и корову подоить, и в доме убрать, и обед сготовить... В общем, из хозяина Левон стал хозяйкой...

И когда, припертый жизненными обстоятельствами, Левон раскинул мозгами, то понял в конце концов, что шел-то он по жизни не той тропинкой,— шел в одиночку. От жизни отстал и свое счастье едва не проглядел...

Эту историю рассказал белорусский писатель Андрей Макаенок. Он назвал свою новую комедию «Левониха на орбите». Своим образным названием драматург как будто сделал героиней пьесы Левониху. Режиссер же Борис Эрин вместе с народным художником РСФСР В. Волковым поставил в центр комедийных событий Левона. И если бы мы попытались назвать спектакль заново, то, пожалуй, хорошо было бы сказать о нем: это — настоящее прозрение Левона!..

Ю. МАЛАШЕВ

Герои из Кохановки

«Запрошення» — написано на билете. Это значит: «приглашение». А приглашают нас на новую «ліричну кінокомедію». Называется комедия «Артист из Коханівки».

Перевод, наверное, не потребуется?

Роль артиста цирка Андрея Ярчука, демобилизованного воина, который, перессорившись по горячности характера и молодости лет со всеми близкими людьми в колхозе и покинув родную Кохановку, все же никак не может забыть свою милую Марину, играет искренне и ярко молодой актер Эдуард Бредун. В роли Марины снималась Ирина Бунина.

Вот взгляните на них — на их простые, открытые лица, на их глаза, полные любви, на их добрые, доверчивые руки. Взгляните, как нежно и трогательно прильнули они друг к другу. Наконец-то они нашли друг друга после всех недоразумений и ссор. Эти недоразумения долго мешали влюбленным быть вместе...

Веселая, жизнерадостная комедия поставлена по сценарию писателя Ивана Стаднюка режиссером Г. Липшицем на Киевской киностудии имени А. Довженко. Новая картина — подарок студии XXII съезду партии.

Появился новый фильм на экранах совсем недавно, а сколько уже пришло о нем доброжелательных, сердечных зрительских отзывов!..

И. ПАВЛОВА

УДАРНАЯ БРИГАДА. Ханцо Ранк (ГДР).

↓ МОЙ ЗАВОД. Владимир Димчев (Болгария).

МИР СМОТРИТ,

М. АЛЕКСЕЕВ

Я вспомнил, что писал и прошлой осенью, когда Октябрю минуло от роду сорок три года. Вспомнил ту статью и с радостным удивлением обнаружил, что она безнадежно устарела, хотя от той поры нас отделяет всего лишь один год — срок в плане историческом настолько малый, что его можно было бы назвать мгновением. Тогда никто еще не знал о Гагарине и Титове — об этих небесных братьях, потрясших мир своим воистину космическим подвигом — космическим в прямом и в более широком, переносном смысле; человечество как бы в один миг сделало невиданный рывок вперед и шагнуло в новую эру. Теперь всем известно место, с которого два этих бесстрашных человека устремились к звездам. Но не точнее ли было бы назвать космодромом палубу того легендарного крейсера, с которого сорок четыре года назад раздался орудийный залп, послуживший сигналом к штурму старого мира?

В наш ракетный век невольно рождаются соответствующие ассоциации и сравнения. И вот сейчас история нашего социалистического Отечества представляется мне в образе гигантской сорокачетырехступенчатой ракеты, несущей нас к заветной цели со все ускоряющейся невероятной быстротой. Говорят, секрет наших успехов в ракетной технике заключен в особом горючем. Думается, что таким же особым, хотя и не секретным, горючим обладает и все наше общество. Марксистско-ленинские идеи — вот имя этому горючему, вот где заключена гигантская взрывчатая энергия, которая продвинула нас дальше всех и подняла выше всех. Именно эта энергия бушевала, клокотала и на только что закончившемся XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, за которым следил, которым жил весь земной шар, изумленный, потрясенный громадностью и величественностью задач, поставленных на съезде.

XXII съезд нашей партии — это ленинский съезд, съезд великой и глубокой ленинской мысли и ленинской правды. Поэтому, естественно, суровое осуждение нашли на съезде те, кто попирал ленинские принципы, творил беззакония. Требование делегатов съезда об исключении из рядов партии злобных и жалких отщепенцев — Молотова, Маленкова, Кагановича — нашло горячее одобрение у всех коммунистов, у всего нашего народа. Столь же единодушно было одобрено решение XXII съезда — вынести из Мавзолея саркофаг с гробом И. В. Сталина. Было бы кощунством оставлять его там дальше. Народ не мог мириться с тем, чтобы рядом с незабвенным Владимиром Ильичем Лениным, поклониться которому идут все честные люди мира, чтобы рядом с ним находился прах человека, запятнавшего свое имя тяжкими злодеяниями.

Наверное, сейчас многие ищут емкий образ, которым можно было бы кратко и сильно охарактеризовать XXII съезд, его особенность, его значение для судеб мира. Для меня он встает как торжество, как величие духа освобожденного, раскованного труда. Мне видится это в докладе и в заключительном слове бывшего шахтера, а ныне Первого секретаря

ПОСЛЕ РАБОТЫ Андерс Вьёрнвад (Дания)

БЕЗРАБОТНЫЕ. Гюнтер Фюрнвегер (Австрия).

СТАРЬЕВЩИК. Насер Салем (Иран).

ЭКС-ЧЕМПИОН Серджо Дель Перо (Италия).

МИР ДУМАЕТ

КОЛОНИЗАТОРЫ. (Ангола).

Центрального Комитета нашей партии Никиты Сергеевича Хрущева; в том исполненном глубочайшего смысла факте, что на одном из заседаний съезда председательствовала Валентина Гаганова — простая прядильщица из Курской области; в том, что новый дворец в Кремле озарялся тысячами Золотых звезд на груди делегатов съезда — доярок, кукурузоводов, свекловодов, хлопководов. На одном из снимков нашего репортажа вы видите двух таких звездоносцев; один из них — председатель колхоза «Москва» Саидходжа Урунходжаев из Таджикистана, другой — космонавт Герман Титов; этот второй прославился тем, что поднялся к звездам. Что касается первого, то он, напротив, никогда не отрывался от земли, хотя о нем никак не скажешь, что «звезд с неба не хватает». Сила этого человека прямо-таки Антеева: он крепко держится за землю, своими руками строит счастье на земле для себя и для других людей.

Кто-то назвал фотообъектив бесстрастным. Какая, однако ж, несправедливость! Разве помянутая уже мною фотография мало говорит уму и сердцу человеческому, разве не передает она радостной, окрыляющей атмосферы, в которой проходил съезд, разве она не поет величавой песни о торжестве ленинских идей?! А посмотрите на этих рабочих из Германской Демократической Республики, которых фотомастер — участник 1-й Московской международной выставки фотоискусства — назвал «Ударная бригада», или вот на этих двух, в благоговейном восторге застывших перед сказочно светлым, своим, повторяю — с в о и м, заводом в народной Болгарии, — и вы поймете, что труд их так же светел и радостен. Таким мог бы быть труд и вот этого старого рабочего-датчанина. Мог бы... А сейчас — сколько горьких дум заключено в глубоких морщинах, избороздивших его лицо!.. Но его взгляд хранит еще надежду, пускай слабую, но все же надежду. А вот этим изверившимся во всем, бесконечно усталым безработным, видать, уже и надеяться не на что: безысходная тоска во всей их позе...

ДЕНЬ ОТМЕНЫ РАБСТВА. С. Брейтман. (Бразилия).

Мир, однако, смотрит, мир думает, и мир не хочет до бесконечности терпеть вопиющую несправедливость, когда люди, создающие трудом своим все земные блага, полностью или почти полностью лишены этих благ. И так ли уж уверен в себе рабовладелец с автоматом в руках, как хочется ему показаться перед своими рабами, и надолго ль хватит их покорности?.. Грохот рвущихся цепей слышится, доносится из Азии, Африки, Латинской Америки, повергая в ужас тех, кто эти цепи выдумал. Один миллиард из огромной семьи человеческой уже встал под знамена социализма, а сколько встанут завтра! И это неотвратимо: таков суд истории.

Старый мир не хочет добровольно уходить с арены, он готов сжечь в огне войн все сущее на земле. Не потому ли огромная, недетская тревога в больших глазах ребенка, которого вы видите на фотографии, названной «Мать»?

Люди хотят жить в мире, сажать сады, любить...

Да, мир смотрит на нас, мир думает, и свет нашей великой правды проникает во все самые отдаленные уголки этого необъятного мира.

Свет нашего великого Октября всепроникающ. Он маяк для всего человечества.

ДОЛОЙ ФАШИСТСКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ! (Япония).

НА МОГИЛЕ СЫНА-ГЕРОЯ. Клара Патко (Венгрия).

РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ Карел Ролинек

СЧАСТЛИВАЯ МОЛОДОСТЬ НЕ СУЕВЕРНА. Ганс Вернер (ГДР)

МАТЬ Вену Сен (Индия).

«Не секрет, что есть у нас товарищи, которые в свое время были достойно оценены и избраны на руководящие посты и занимают их в течение целых десятилетий. За это время некоторые из них потеряли способность творчески вести дело, утратили чувство нового, стали тормозом. Оставлять таких людей и дальше на своих постах только потому, что когда-то они были избраны, было бы неправильно».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

Пустое место...

Рисунок И. Сычева.

«Представление об изобилии как о безграничном росте личной собственности — не наше, чуждое коммунизму представление».

Н. С ХРУЩЕВ Из доклада на XXII съезде КПСС.

Круг его интересов.

Рисунок Л. Самойлова.

ЖИВАЯ МАТЕМАТИКА,

Ф. КРИВИН

ТОЧКА НА ПЛОСКОСТИ

Не знала Точка ни забот, ни тревог, но пришло время и ей подумать о своем месте на плоскости.

— Я хочу стать центром окружности! — заявила Точка.

Что ж, по законам геометрии, все точки равны и каждая из них может стать центром окружности. Для этого нужны только циркуль и карандаш — и ничего больше.

Но едва лишь к ней прикоснулся Циркуль, Точка завопила:

— Ой! Больно! Ой! Что вы колетесь?!

— Но вы хотели стать центром окружности,— напомнил Циркуль.

— Не нужен мне ваш центр, не нужна мне ваша окружность, оставьте меня в покое!

Оставили Точку в покое. Но ненадолго. Должна же Точка занять какое-то место на плоскости!

— Я хочу стать вершиной прямого угла,— заявила Точка на этот раз.

По законам геометрии, вершиной прямого угла тоже может стать каждая Точка. Для этого на прямую, на которой она находится, достаточно опустить перпендикуляр.

Стали опускать на Точку Перпендикуляр.

— Вы что, ослепли?! — закричала Точка при виде Перпендикуляра.— Вы падаете прямо на меня. Разве вам мало места на плоскости?

Растерялся Перпендикуляр, повис в воздухе.

— Погодите, дайте-ка мне,— сказала Секущая.— У меня эта Точка станет вершиной сразу четырех углов.

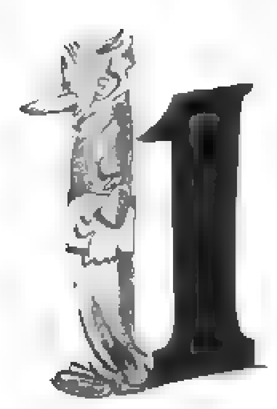
Но не тут-то было. При виде Секущей Точка прямо-таки забилась в истерике.

— Не секите меня! — рыдала она.— Я не привыкла, чтобы меня секли!

Что было с ней делать? Махнули на Точку рукой. Не стала она ни центром окружности, ни вершиной угла, а осталась простой точкой на простой прямой, параллельной тысячам других прямых.

Впрочем, как выяснилось позднее, линия у этой Точки была тоже далеко не прямая. Кривая была у Точки линия.

ШТАТНАЯ ЕДИНИЦА

Много лет прослужила штатная Единица без единого замечания, и нужно же было как-то отметить ее заслуги!

Поэтому Единицу решили возвести в степень.

Сначала возвели во вторую степень. Думали этим и ограничиться. Но опять Единица служит прилежно, а замечание — хоть бы одно!

Возвели Единицу в третью степень. И опять ни одного замечания. Возвели в четвертую. Ни одного замечания! Подумать только! Возвели в пятую степень, в шестую, в десятую, в сотую. Нет замечаний!

Далеко пошла Единица. Теперь она Единица в тысячной степени.

А что изменилось от этого? Ничего, ровным счетом. Ведь Единица в тысячной степени — та же Единица. Ни на тысячную долю больше!

НОЛЬ

Надоела Нолю холостая жизнь.

«Так вот один живешь и ничего не значишь,— подумал он.— Надо множиться!»

Стал Ноль искать, с кем бы помножиться. Выбирал, выбирал — все не по нраву. Единица слишком тоща, да и нос длинноват, хлопот с ней не оберешься. Тройка горбата, Семерка косо стоит, еле на ногах держится. Все Нолю не так, видно, высокие у него требования.

Наконец, приглядел Восьмерку. Симпатичная Восьмерка, кругленькая, даже будто на Ноль похожа, только поуже в талии. Подкатился к ней Ноль с одной стороны, подкатился с другой, а потом — чего там долго раздумывать! — пошел свататься.

Собрались Восьмеркины родственники. Все старые цифры, солидные: 88, 888, даже 88 888 — очень большая величина — и та явилась на торжество. Только же-

---

В АДРЕС «Москва, „Огонек“»

Ледяные грибы

«Мне довелось увидеть в Чаунской губе льды, очень похожие на грибы. Объясните, пожалуйста, причину этого удивительного явления»

А. ЗОТОВ

Магаданская область.

Мы попросили ответить старшего научного сотрудника Государственного океанографического института кандидата географических наук В. С. Назарова. Вот что он рассказал:

«Грибообразные формы льда возникают оттого, что вода нагревается быстрее, чем воздух. Поэтому лед и тает снизу быстрее. Этому же способствует работа волн и течений, ускоряющих размывание льдов. Так появляются «ледяные грибы».

Перламутровые крыши

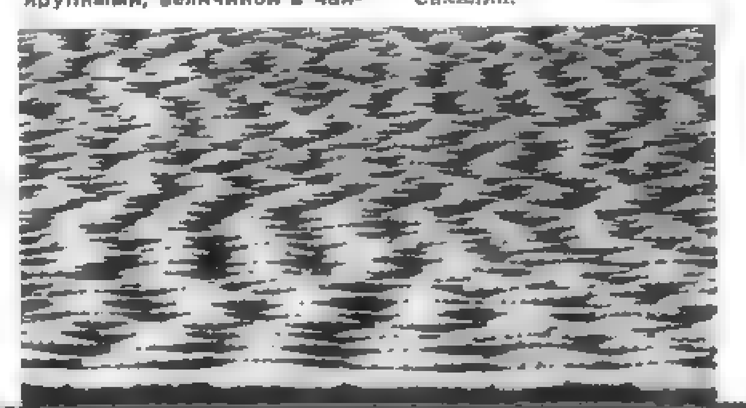
О том, что они существуют, мы впервые узнали несколько месяцев назад. В поселке Кириллово, что на восточном побережье мыса Крильон, мы увидели эти необыкновенные крыши своими глазами.

Десятки домов покрыты крупными, величиной в чайное блюдце, раковинками морского гребешка. Словами не передашь тонкие, мягкие переливы красок.

Местные жители — рыбаки и лесорубы — уверяют, что ракушки не только красивый, но и практичный строительный материал. Перламутровые крыши вот уже больше десяти лет выдерживают без ремонта все капризы сахалинского климата.

Д. ДУБОВОЙ, М. ВОЙНИЛОВИЧ

Сахалин.

ЕЕ ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Рисунки В. Черникова.

них на родственников Ноль внимания. Что ему их многозначность? Он сам Ноль, не кто-нибудь!

А родственники довольны.

— Такого Ноля,— говорят,— никогда еще в нашем роду не было. С ним Восьмерка, небось, не пропадет, с ним ей хорошо будет!

А Ноль между тем наставляет Восьмерку.

— Ты,— говорит, — должна понимать, что такое семья. Ты,— говорит,— должна мне во всем покоряться.

— Я буду! — обещает Восьмерка.— Ты не сомневайся.

Робкая, безответная, она засиделась в Восьмерках, только и мечтала, как бы помножиться.

И вот помножились.

Доволен Ноль. Важный такой стал, степенный. А Восьмерки при нем и не видно. Затер он ее, затер совсем, до того затер, что потом никто и сказать не мог, куда девалась Восьмерка.

Вот как это выглядело: $0 \times 8 = 0$.

И вот опять остался Ноль один.

— Не повезло мне с Восьмеркой,— оправдывается он перед ее родственниками — Слишком уж она смирная была, ни в чем не перечила. С такой и жить неинтересно.

Стал Ноль искать себе другую пару. Нашел Пятерку, цифра тоже ничего. Правда, с Восьмеркой ее не сравнить, не те пропорции, но ведь теперь Нолю и выбирать-то особенно не приходилось.

На этот раз Ноль повел себя иначе. Свататься не стал да и множиться тоже. «Ну его, это умножение! — подумал.— С этими домостроевскими методами, чего доброго, опять жену в гроб загонишь! Нет уж, лучше по-современному, как и все: записаться и жить вместе».

Записались они с Пятеркой. Пятерка и Ноль. Хорошо получилось: 50. Пятерка выросла в десять раз, а Ноль — уж и неизвестно во сколько. Семья все-таки много значит!

Доволен Ноль.

— Вот как,— говорит,— вышло. Ты простой Пятеркой была, а теперь вон кем стала.

— Я очень счастлива,— говорит Пятерка.

— Еще бы не счастлива! — продолжает Ноль.— Без меня ты была просто Пятеркой, а теперь... Именно теперь, когда я взял тебя, когда ты со мной на равных правах...

— На равных...— эхом отзывается Пятерка.

— Может, скажешь, не на равных? — подхватывает Ноль. — Разве ты не чувствуешь этого?

— Чувствую...

— Ты как будто даже не рада?

— Очень рада,— вздыхает Пятерка.

— Почему же ты вздыхаешь?

— Так...

— Нет, не так. Ты должна понимать, что раньше...

Это были очень долгие разговоры. Сначала Пятерка терпела их. Думала, ну, поговорит Ноль на радостях и успокоится. Да не тут-то было. Чем дальше, тем Ноль все больше распаляется. Зудит и зудит — нет спасения!

Чуть свет уже начинает:

— Вспомни, кем ты была...

Уже ночь, а он все еще:

— Не забудь, кем ты стала...

Не дает Пятерке покоя: радуйся — да и только!

Не выдержала Пятерка.

— Лучше уж,— говорит,— я простой Пятеркой буду, чем так радоваться.

И ушла от Ноля.

Остался Ноль в одиночестве и не поймет, что случилось. Так хорошо жили, и вот покинула его Пятерка. За что, скажите, пожалуйста?

А ему, Нолю, теперь, как никогда, подруга нужна. Стар он уже стал, здоровье уже совсем сдало. Еле-еле нашел себе какую-то Двойку. Горбатенькая Двойка, кривая, но все-таки цифра.

— Давай соединим свою жизнь,— предлагает Ноль Двойке.

— Ишь, старый хрыч! — фыркнула Двойка.— Если хочешь сложиться, то так и говори, а нет — проваливай.

— Я сложусь, я сложусь,— заторопился Ноль.— Я сделаю все, что ты захочешь.

Так сложились они: Два плюс Ноль... А чему же равняется? Двум!

Вот, оказывается, как получилось. Нет Ноля. Конец ему пришел. Отчего бы это? Может, просто от старости, а может, его Двойка доконала?

Трудно в этом разобраться. Да и стоит ли!

ИНДЮШАЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Л. ЛАГИН

Рисунок А. Каневского.

Повстречались как-то Орел с Индюшкой. Познакомились. Разговорились.

Орел спрашивает:

— Ну, как вам у нас понравилось, мистрис Индюшка?

— По совести, мистер Орел?

— Конечно, по совести.

— По совести, не очень. Например, воздух. Во-первых, свежий. Слишком даже свежий. Голову кружит, инда клюв набок сводит. Во-вторых, никак, ну никак не расширяет кругозора.

— То есть, простите...— удивляется Орел.— Как это — кругозор и воздух? Если в смысле видимости, мистрис Индюшка, то с наших гор километров на сто видать, как на ладони. У нас воздух, что твое стеклышко.

Индюшка говорит:

— Совсем я не об этом. Понимаете, у нас, в Свободных Индюштатниках, всегда знаешь, чем соседи дышат, и кто с кем живет, и кто что вчера на ужин кушал. Наш воздух, как альбом, можно перелистывать. А если чего такого не донюхал, покупай себе на здоровье магазин, а, по-вашему, жур-

Марка героя

Побывав на Кубе в порту Гавана, я купил марку с портретом героя кубинской революции Камило Сьенфуэгоса. Это был один из самых ближайших соратников Фиделя Кастро, погибший после разгрома Батисты.

Н. ВАВАРЫКИН

Владивосток.

«Дятел»

Охотясь в Уссурийской тайге, я обратил внимание на сучок необычной формы. Он был на вековом дубе в трех метрах от земли. Сходство сучка с громадным дятлом поразило меня. Я так и назвал свой снимок.

В. РУМЯНЦЕВ

Приморский край.

На месте раскопок

Об этом своеобразном памятнике сообщил нам читатель И. Т. Черников из Одессы.

Мы обратились к профессору Института зоологии Академии наук Украинской ССР И. Г. Подопличко с просьбой рассказать, при каких обстоятельствах был сооружен памятник мамонту.

«Научные исследования костей мамонтов в России относятся еще ко временам Петра I, — сообщил И. Г. Подопличко. — В начале прошлого века исследования подобных находок производились довольно часто. Найденный в 1839 году в селе Кулешовке, Недригайловского района, Сумской области, мамонт был увековечен. Здесь, на месте раскопок, в 1841 году поставлен чугунный памятник. Это — сооружение в виде четырехсторонней усеченной пирамиды высотой около трех метров. Одна из надписей на нем гласит: «На сем месте в 1839 году отрыт остов предпотопного мамонта».

Памятник существует уже сто двадцать лет».

По просьбе редакции директор Сумского краеведческого музея Г. Долгин прислал фотографию памятника.

ная или газету — и все-все узнаешь. Вот я в каком смысле.

Орел говорит:

— Это конечно. У нас такое расширение кругозора никак не поощряется. Даже напротив.

Индюшка говорит:

— Вот видите! От души сочувствую. Теперь возьмем обслуживание, по-нашему, «сервис». Скажем, где сейчас ваша супруга, мистрис Орлица?

— В гнезде,— отвечает Орел,— с орлятами. Они еще у нас маленькие.

— Вот видите! А мы с мистером Индюком уходим из Индюштатника в гости, когда хотим и на сколько хотим. Индюшат охранять — дело хозяйское. И мы знаем, что все будет в порядке, вернись мы хоть завтра, хоть через неделю. Моя сестричка как о прошлом Рождестве отправилась на Кухню, так по сей день и не вернулась. И даже строчки нам не черкнула. А почему? А потому, что нисколечко не беспокоится за своих индюшат. Знает, что их и без нее вовремя накормят, напоят и спать уложат.

— А зачем она туда пошла?

— Кто?

— Сестричка ваша.

— Вот еще скажете — пошла! Не индюшачье это дело—ходить! Нас Хозяин на руках носит. А у вас, кстати, мистер Орел, хозяин имеется?

— Нет, мы уже пятый десяток лет без хозяев обходимся.

— Дикость какая, прошу прощения за откровенность. А вот у нас имеется Хозяин. И мы ему поблажки не даем. Раз есть такое правило — носи!

— В таком случае, почему Хозяин понес вашу сестричку на Кухню?

— А потому что она была признана лучшей из индюшек. Вот почему. У нас, в Индюштатнике, под каждый праздник бывает конкурс на лучшую индюшку, и вот моя сестричка получила первый приз.

— А что Хозяин делает на Кухне с лучшей индюшкой?

— Да уж не беспокойтесь, мистер Орел, что надо, то и делает. Уж во всяком случае, еще ни одна индюшка не жаловалась. Не было еще такой, чтобы обратно вернулась в Индюштатник. Следовательно, понравилось. Вот! А теперь разрешите мне вопрос?

— Пожалуйста, мистрис Индюшка.

— Вы как себе пищу добываете, мистер Орел?

— Охочусь, конечно.

— Какая дикость! Чтобы Индюшка во второй половине двадцатого века сама себе добывала пищу! Да я лучше с голоду околею! Доставлять пищу — дело Хозяина... Теперь о религиозной стороне вопроса. Скоро праздники — Рождество. Отражается это на вашем меню?

— Признаться, нет. Мы, орлы, не религиозны.

— А у нас, в Индюштатнике, из уважения к религии меню перед Сочельником становится просто роскошным. Вы знаете, чем нас в эту пору кормят? Орехами! Посадят в мешки, чтобы мы по своему легкомыслию не растрясали жиры, и кормят до отвала орехами. А самых достойных даже миндалем! Ловко?

— Ловко. А потом?

— Что потом?

— Потом что? Когда вы нальетесь жирами и придет Сочельник?

— Потом, конечно, на Кухню.

— А зачем?

— Что зачем?

— Зачем на Кухню?

— Ну, это уже философия! Хозяин в наши дела не вмешивается, а мы — в его. У нас с ним такой уговор... Простите, мистер Орел, нам с супругом пора. Гуд бай, мистер Орел!

— До свидания, госпожа Индюшка...

С тех пор Орел Индюшки больше не видал.

То ли она сидит в мешке, жует орехи и наливается жирами. То ли уже налилась жирами и Хозяин на собственных руках отнес ее на Кухню и...

Впрочем, что там на Кухне сделал Хозяин с Индюшкой, это уже, как выразилась Индюшка, философия.

И вообще, не будем вмешиваться во внутренние дела Индюштатника. У Орлов свой образ жизни, у Индюшек — свой.

«...Американский миллионер Гарриман выступил как-то с предложением ликвидировать слово «капитализм». «Заимствуя терминологию Хрущева,— сказал он,— мы должны «похоронить» слово «капитализм».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

Капиталист своему отражению:— Как бы мне тебя похоронить, а самому остаться?..

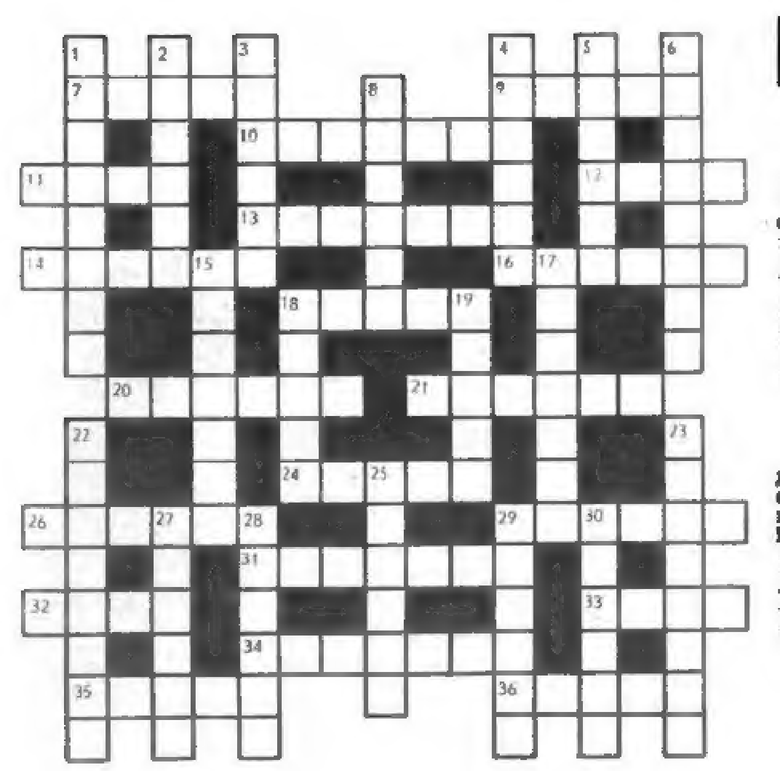
«Соединенные Штаты Америки с циничной откровенностью расходуют сотни миллионов долларов на шпионаж и диверсии против социалистических стран, организуют так называемые «партизанские отряды», собирая в них уголовные элементы, головорезов, готовых за деньги на самые грязные преступления».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада на XXII съезде КПСС.

— Имейте в виду, мистеры партизаны, мне предстоят расходы, но вам — походы!..

Рисунки Л. Самойлова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Автор картины «Зимний взят!». 9. Водоем. 10. Летчик. 11. Приток Десны. 12. Спортивный инвентарь. 13. Вершина Западных Саян. 14. Государство в Европе. 16. Действующее лицо оперы С. Гулак-Артемовского. 18. Школьная комната. 20. Тетрадь для рисунков, фотографий. 21. Международный нефтепровод. 24. Советский архитектор. 26. Денежная единица Венгерской Народной Республики. 29. Конец кинопленки. 31. Ранний этап в развитии искусства. 32. Дугообразная строительная конструкция. 33. Прорезиненная накидка. 34. Ударный музыкальный инструмент. 35. Мера стихотворного ритма. 36. Вид ювелирной техники.

По вертикали:

1. Малая планета. 2. Крепость в старинных русских городах. 3. Процесс соединения металлов. 4. Поэма В. Маяковского. 5. Сельскохозяйственная машина. 6. Город в Сталинградской области. 8. Пустыня в Африке. 15. Провинция в Китае. 17. Государство. 18. Простейший чертеж местности. 19. Птица отряда сов. 22. Движение вперед, совершенствование. 23. Персонаж итальянской комедии масок. 25. Соединительная часть трубопровода. 27. Изобретатель стереоскопического кино. 28. Один из основателей татарской советской поэзии. 29. Работник связи. 30. Сооружение над источником.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 44

По горизонтали:

1. Винтокрыл. 4. Торшер. 6. «Костер». 8. Яблочкина. 9. Синус. 11. Спица. 13. Труба. 15. Синяк. 17. Гамма. 18. «Ермак». 19. Легенда. 20. Росси. 21. Смола. 22. Анкер. 24. Родос. 26. Гагра. 27. Вента. 28. Фундамент. 31. Лобзик. 32. Диктор. 33. Никарагуа.

По вертикали:

1. Вишня. 2. Овруч. 3. Ласка. 4. Теннис. 5. Рулет. 6. Книга. 7. Резина. 9. Спелеолог. 10. Синекдоха. 11. Сумароков. 12. Амплитуда. 14. Углерод. 16. Колба. 17. Глава. 21. «Сигнал». 23. Ранжир. 24. Рынок. 25. Стенд. 28. Фазан. 29. Артур. 30. Тыква.

На первой странице обложки: Скульптурная композиция Г. Н. Постникова «В космос!».

На последней странице обложки: Праздничная Москва. Фото Я. Халипа.

«Программы КПСС можно сравнить с трехступенчатой ракетой».

Н. С. ХРУЩЕВ.
Из доклада на XXII съезде КПСС.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Михайлина.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-38-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05292. Подписано к печати 1/XI 1961 г. Формат бум. 70×108 1/16. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1929. Заказ 2728.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

